

МАРИЯ *Высоцкая*

Тихоня и
ХУЛИГАН

18+

ЕГО ЗАПРЕТ

Она моя

Мария Высоцкая

Тихоня и хулиган. Его запрет

«Автор»

2026

Высоцкая М.

Тихоня и хулиган. Его запрет / М. Высоцкая — «Автор»,
2026 — (Она моя)

Вэл — старшекурсник. Мажор. Наглый. Циничный. В стенах университета о нем ходит много пугающих историй. Избегает хороших девочек! Полина — первокурсница. Тихоня. Хорошая девочка. Живет в общежитии, зубрит ночами. Мечтает о большой и красивой любви. Он враг, который станет для нее целым миром. Она его запрет, который постоянно хочется нарушить.

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	18
7	21
8	24
9	27
10	30
11	32
12	35
13	37
14	40
15	43
16	46
17	49
18	52
19	55
20	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария Высоцкая

Тихоня и хулиган. Его запрет

1

Полина

Можно сказать, что моя жизнь — классическая история Золушки,

только вот у той была крестная фея, а у меня ее нет...

— Совсем долбанутая? Жить надоело?

Мужской голос слышу, как в тумане. А когда смотрю себе под ноги, понимаю, что машина, из которой доносится этот ор, остановилась буквально в паре сантиметров от моих коленей. Еще чуть-чуть, и он бы просто раскатал меня по университетской парковке. Вздрагиваю от такой незаманчивой перспективы, покрываясь колючими мурашками. Хочется сжаться в комочек и стать невидимкой. Но куда уж тут...

Понятия не имею, как так произошло. Я просто шла в учебный корпус.

Как он тут так быстро и бесшумно появился, остается загадкой.

— Совсем дура? — парень вылезает из своего огромного черного внедорожника, продолжая на меня кричать. — Идиотка безмозглая!

Крепче прижимаю к груди сумку и нерешительно приподнимаю голову. Голос тут же приобретает визуальные очертания.

Это старшекурсник. Велий Кудяков. Вэл — так его в основном называют. И понимание этого нагоняет еще больше страха. Каких только историй про него не ходит в стенах университета. Говорят, он совсем безбашенный...

— Так и будешь пялиться? — подходит ближе. — Немая, что ли? — проводит ладонью прямо у меня перед лицом, а я замечаю, что вокруг нас собралось уже немало зевак.

Все с интересом наблюдают за происходящим, кто-то даже снимает на телефон. Смеются. Этот урод меня чуть не убил, а они смеются. Им весело.

Качаю головой от бессилия и злости, которая копится в груди, но дать ей высвободиться наружу у меня не получается. Слишком часто в жизни мне приходилось молчать. Вот так же смотреть, чувствовать себя беспомощной и молчать.

— Это парковка, разрешенная скорость здесь... — мямлю так тихо, что сама себя не слышу.

— Чего ты там бормочешь? — склоняется надо мной, а я понимаю, что опустила голову. Стою перед ним как провинившаяся школьница, несмотря на то, что не прав здесь он.

— Здесь нельзя так гонять, — сжимаю пальцы в кулаки, прибавляя громкость.

— Да что ты? — ухмыляется, а голос все равно отдает металлом. — Камеры убрали, придурки! — орет кому-то у меня за спиной. — Закопаю, если это в сеть попадет.

Пока он отвлекается, я предпринимаю попытку уйти. Доказать свою правоту я все равно не смогу, поэтому испариться будет наилучшим вариантом, правда, Кудякову, кажется, такой исход событий не приходится по вкусу.

Не успеваю сделать шаг в сторону, как он хватает меня за руку.

— Извиниться не хочешь, конопатая? — выдает с какой-то запредельной злостью.

Прикрываю глаза. Боже, меня с начальной школы никто так не называл. Внутри все переворачивается. Я рыжая от природы, поэтому веснушки на моем лице естественны, но такие, как он, видят в этом только лишний повод посмеяться над внешностью, что отличается от других.

— Мне не за что извиняться, — все-таки набираюсь смелости и смотрю ему в глаза. — Это ты меня чуть не сбил. Я... Я сообщу в ректорат.

Произношу, прежде чем прикусить язык. Ребята, что стоят ближе всего к нам и все слышат, издают воющие звуки. Мол, совсем дура? Кому ты это говоришь вообще, понимаешь?

Кудяков тем временем резко тянет меня на себя, словно на радость публике.

— Чего ты сказала? Повтори? — встряхивает, как куклу. — Куда ты пожалуешься? — продолжает веселиться с гадкой улыбкой на губах, а толпа его поддерживает. — Откроешь рот, и вылетишь отсюда, как пробка. Поняла? — произносит все с той же злостью, почти касаясь губами мочки моего уха. — Убогая.

Студенты начинают громко ржать.

— Точно, она же убогая! — орет кто-то из студентов, и все вокруг снова взрываются хохотом.

Сжимаюсь. Чувствую, как по позвоночнику ползет холодок. Им-то я что сделала? Растерянно обшариваю взглядом толпу, замечая своих девчонок с курса. Они тоже смеются. Конкретно с этими двумя мы не поладили прямо с первого сентября.

Снова смотрю на свои туфли и понимаю, что он не шутит.

— На, — сует мне деньги, — шмотки себе нормальные купишь. Считай, моральная компенсация за причиненные неудобства.

— Мне не нужны твои деньги, — встряхиваю рукой, и купюры, которые он сунул мне поверх сумки, что прижата к груди, летят на асфальт.

— Вау, да ты у нас гордая. И насколько хватит твоей гордости? — шипит мне в лицо, а потом подбрасывает в воздух еще больше купюр.

Стою как вкопанная. Молчу. Смотрю в пол.

Кудяков хмыкает и, обогнув меня стороной, направляется к учебному корпусу. Деньги, естественно, не подбирает. Ну да, ему они даются без всякого труда.

— Только попробуй открыть рот, — произносит на ходу. — А лучше забирай документы и проваливай отсюда. Хотя, — останавливается и, круто развернувшись, вновь оказывается у меня перед лицом, — можешь извиниться, — скалится. — При всех. Так и быть, — разводит руки в стороны, — я тебя прощу.

— Я уже говорила, что мне не за что извиняться, — произношу ровно. Кажется, ни один мускул в этот момент на моем лице не дрогнул.

— Тебе же хуже...

Он как-то странно прищуривается, не стирая с губ гадкой улыбки, и, обойдя меня стороной, направляется в корпус.

Какое-то время стою на том же месте, не в силах пошевелиться. Пальцы подрагивают оттого, насколько сильно я сжимаю края сумки. Осенний ветер треплет волосы и обжигает щеки. Я что, плачу?

Всхлипываю и быстрыми движениями стираю слезы тыльной стороной ладони.

— Да уж, Лялина, ну ты и попала, — ухмыляется Маринка. Девчонка из моей группы. Та, что, кажется, смеялась громче всех. — Ты на полном серьезе решила угрожать Вэлу? Ну не дура ли, Наташ?

— Полная, — подтверждает Иванова. — Ты же понимаешь, что он этого так теперь не оставит?

Поворачиваю голову, смотрю на них в полной растерянности и замечаю, как ветер подхватывает пятидесятые купюры и разметает их по парковке.

— Не оставит? — спрашиваю в полном недоумении. — Но я не собираюсь жаловаться...

— А какая теперь разница? Он же тебе русским языком, конкретно так сказал — забирай документы и проваливай, — снова хихикает. — Я бы прислушалась, да, Марин?

— Я бы вообще не отвечивала сегодня больше, а лучше, сверкая пятками, уже бежала за документами.

Да уж, первый учебный год начался просто замечательно. Я даже месяца не проучилась и уже нашла себе неприятности. Они почему-то по жизни так ко мне и прилипают.

— Ты на фига про ректора-то ляпнула? Не в курсе, что Кудяков — его внук?

— Внук?

— Боже, ты вообще университетские новости не отслеживаешь, что ли? Пошли, Наташк, пара вот-вот начнется.

Они переглядываются, снова хихикают и уходят, оставляя меня одну.

Я же захожу в корпус минут десять спустя, когда прозвенел звонок на пару и народ в коридоре рассосался. Сейчас я просто не вынесу этих косых, насмешливых взглядов. Медленно вышагиваю по лестнице на третий этаж и уже на площадке, перед аркой в коридор, вижу Кудякова.

2

Он стоит не один. Парней двое. Оба высокие, темноволосые. Даже взгляды одинаково наглые.

Оккупировали арку по обе стороны. И чтобы попасть в коридор, мне необходимо пройти как раз между ними.

— То есть с Майей все? — интересуется кудрявый. Он, кстати, явно будет посимпатичнее этого Вэла.

— Ага. Три дня как все, — подтверждает Кудяков и поворачивает голову.

Замираю. Хочется развернуться и уйти, но он меня уже видел.

Ежусь под взглядами двух пар глаз, нервно сцепляя пальцы замком в районе пупка.

— Чего встала?

Слышу *его* голос и невольно вздрагиваю.

— Ничего, — поджимаю губы и решительно направляюсь в их сторону. Я просто пройду мимо, и все. Пара началась уже как пятнадцать минут. Я прилично опаздываю. Наверное, это и подталкивает меня забыть про страх и сделать два уверенных шага вперед. Будет ужасно, если я начну прогуливать занятия, не проучившись тут и месяца.

Замечаю их косые взгляды, дурацкие улыбочки и, практически зажмурившись, проползаю в арку. Как только оказываюсь в коридоре, убаюкиваю шаг.

— Беги-беги, а то отчислят, — летит мне вдогонку ненавистным голосом.

— Это та, что с парковки, что ли?

— Ага. С утра пораньше дуры всякие под колеса бросаются, — отвечает так громко, чтобы я слышала.

Дергаю ручку двери и без стука влетаю в аудиторию, чем, конечно, привожу профессора в бешенство.

— Вас стучать не учили, девушка?

— А она у нас немая! — выкрикивает кто-то с дальних рядов.

— А чего ты от этой убогой ждал? — доносится уже ближе.

— Извините, — бормочу и, ускорив шаг, занимаю первое свободное место. К сожалению, оно оказывается рядом с Мариной и Наташей.

— Да уж, Лялина, чтобы тебя отсюда вышвырнуть, Вэлу и делать ничего не придется. Ты сама прекрасно справляешься, — хихикает Наташка своим смехом как у гиены.

Вытаскиваю тетрадь, ручку и пытаюсь сосредоточиться на словах преподавателя. Правда, получается плохо, всю лекцию я чувствую на себе насмешливые взгляды одноклассников, а когда звенит звонок и пара заканчивается, кто-то из парней ставит подножку, и я растягиваюсь пластом прямо у доски.

— Ее еще и ноги не держат!

Толпа снова разражается смехом, а на глаза наворачиваются слезы. В голове в этот момент проносятся флэшбеки из школы. Там я не была особо популярной, даже наоборот. Одноклассникам я не нравилась. Ни я сама. Ни мой внешний вид. Я была слишком бедной, и это отражалось на том, как я выгляжу. И когда я это говорю, я ни капли не преувеличиваю.

Старые, застиранные вещи, иногда даже не по размеру. Убитый жизнью кнопочный телефон. Отсутствие карманных денег. Я не ездила ни в какие поездки с классом, не ходила ни кому на дни рождения или школьные дискотеки, боже, да, я даже в столовую нормально сходить не могла. Это же так смешно, когда у тебя оформлены бесплатные обеды по талончикам из-за финансовой ситуации в семье...

Одноклассники меня дразнили, им доставляло это удовольствие. А я, я просто старалась делать вид, что мне все равно. Классу к восьмому эта тактика сработала и от меня все отстали. А теперь, теперь, кажется, все началось заново.

— Эй, Поль, ты чего такая грустная?

— А? — смотрю на свои туфли. Они у меня с десятого класса. Потертые немного, но вполне приличные. Мне крупно повезло, что ни роста, ни веса, ни сантиметров в ноге с того времени во мне не прибавилось.

— Я говорю, все нормально?

— Наверное.

— Это как?

— Ты еще не знаешь?

— Нет. А что-то случилось? — Варя переходит на шепот и утягивает меня в сторону. Так мы с ней оказываемся в туалете, где никого кроме нас нет.

Не знаю, в какой момент я перестаю молчать и все ей рассказываю. Про парковку, студентов, наших одноклассников, в общем, Варя остается в шоке.

— Так разве бывает? — спрашивает совсем тихо.

— Видимо, бывает.

— Средневековые какое-то. Он прямо вот так открыто угрожал, да? А наши ржали? Придурки. Не расстраивайся. Завтра все всё забудут.

— Надеюсь, — опускаю голову. Идти против толпы — это ведь практически бороться с ветряными мельницами. Вряд ли победишь. Что я могу сделать? Пожаловаться в ректорат? А что, если он не шутил и меня правда отчислят?

Я сама поступила на бюджет. Мне нужно держаться за свое место, иначе придется вернуться в нашу деревню. А я не хочу.

Меня воспитывала тетка. Мамина сестра. Меня и еще четверых своих детей.

Я была тем самым пятым колесом, которое всем мешает. Меня там никто не любил. Не уважал. Только попрекал. Я должна была радоваться тому, что меня оставили, а не сдали в детдом после смерти дедушки десять лет назад. Я и радовалась как могла. Все пыталась заслужить любовь. Помогала по дому, возилась с младшими детьми, летом всегда работала, но все равно всегда была «приживалкой». Отрепьем, которое непонятно от кого родила моя мама. Мама, которую я видела только на фотографиях, потому что она умерла при родах...

— Ты плачешь? — беспокоится Варя.

— Нет, — качаю головой и замуриваюсь. Я и правда не плачу. Просто адски болит голова. Невыносимо. — Все нормально, Варь. Я просто не понимаю, что такого ужасного я ему сделала? А им всем? Какое им всем до меня дело?

— Они придурки, вот и все. Тупое стадо!

— А знаешь, что самое мерзкое, Варь? — отворачиваюсь. — Я стояла там и ничего не могла сказать, прямо как в школе. Противно от себя.

Вот теперь хочется плакать. Выть. Варя это видит и крепко меня обнимает. Она в курсе моей жизненной ситуации. Мы с ней как-то так сразу сдружились еще в августе, когда заехали в общагу. Болтали ночами вдвоем, пока к нам не подселили Иру.

Выдыхаю.

— Пойдем отсюда, Поль. На диванчиках посидим. Успокоишься.

— Пойдем, — часто киваю.

Правда, как только мы возвращаемся в коридор, на втором этаже снова напарываемся на этих двух. Они меня теперь преследуют, что ли?

3

Вэл

«Извини меня. Давай поговорим спокойно. Все еще можно вернуть».

Пишу и стираю.

«Слушай, я не прав был, и мне не следовало тебе всего этого говорить. Прости».

Снова стираю. Мозг плавится. Хочется раздолбать телефон о стену. Настроение с утра паршивое, а эта девка на парковке только подкинула дровишек в топку.

Прикрываю глаза, поудобнее устраивая ногу на подоконнике в университетском коридоре. Зачем я вообще сегодня сюда приехал, не имею понятия. Нужно было остаться дома.

Выдыхаю. Открываю глаза и снова пялюсь в экран смартфона на чистое поле для ввода сообщений.

«Майя, я...»

Тру. Опять.

«Счастья вам с Мейхером! Не по...»

Опять стираю.

Запрокидываю голову, вжимая затылок в стену. За окном вовсю хлещет дождь. Кайф. Мне не хватает слез, пледа и чашки кофе.

Три гребаных дня как в аду. Три гребаных года в пустоту. Два из них — дружба. Один — отношения. Отношения без отношений. Отношения без любви. Отношения, которые нужны были только мне.

Пунктик какой-то. Больная привязанность. Не знаю, что это было. Но это было. Это есть. Меня ломает. Меня же ломает, а значит, не просто так. Что-то было!

А толку?

В итоге все скатилось к банальному вранью. Она просто назвала меня именем того, кого по-настоящему любит.

Сжимаю кулаки, они так и чешутся, чтобы размазать Мейхера. Превратить его морду в кровавое месиво. Но это только в мыслях, в реальности я ни за что не буду пачкать руки. Сам так точно.

Я вышел из ее квартиры три дня назад, но по ощущениям не прошло и десяти минут с тех пор. Я все еще варюсь в этом бреде.

Закрываю глаза и вижу ее перед собой. Она плачет и говорит. Говорит и не затыкается. Она не затыкается, а мне хочется, чтобы она замолчала.

Короткий флэшбек. Три дня назад

— Я не хочу, не хочу, чтобы все заканчивалось вот так. Ты хороший. Очень хороший. Дело во мне. Это все я. Только я.

Майя плачет. Ревет, и поэтому ее речь получается быстрой и сбивчивой.

— Дело не во мне, дело в тебе?! — ухмыляюсь. Беру ее за руку. В башке цунами. Миллионы катаклизмов. Апокалипсис. Пора завязывать. Я уже не удел. Я уже лишний. Тяну носом воздух, чтобы собраться с мыслями, чтобы не засать произнести то, что я должен произнести: — Это все. Как ты и хотела, я заканчиваю все это сам. Сам начал, сам и закончу. Иди домой.

— Прости, я не хотела, чтобы все получилось так. Если бы я только могла, я бы...

— Иди домой! — произношу на остатках выдержки, чтобы не заорать.

— Вэл, — она тянет ко мне руку, и меня перетряхивает.

Позволяю ей к себе прикоснуться и упираюсь ладонью в крышу машины. Терпение лопается. Тормоза больше не работают. Злость вырывается наружу, и я говорю то, что говорю:

— Ты хочешь мне что-то предложить? Прощальный секс, может быть? Прости, но я откажусь. Не хочется, чтобы, когда тебя тр*** я, в своих влажных фантазиях ты представляла его.

Добиваю словами. Майя плачет, а я больше, кажется, ничего не чувствую. Три года за ней как собака бегал, и вот результат.

Думал, что, если бывшего друга больше в стране нет, у меня есть шанс. Идиот. С самого же начала знал, что нет у меня никакого шанса. Он вернулся, и она исчезла. Была со мной еще какое-то время, но просто физически. Ее сердце и душа были с ним. Всегда были с ним.

— Прости...

— Иди домой, Майя, — повышаю голос. — Просто уйди. Если тебе хочется кому-то сочувствовать, то пусть это будет Мейхер. Не надо меня унижать больше, чем ты это могла сделать. Хотя я сам... — не договариваю, отмахиваюсь и сажусь в тачку.

Настоящее

С того разговора прошло три дня. Три дня душевной комы.

Я тупо сидел в квартире. Заперся в этой башне, как гребаная принцесса. Не бухал, не тусовался, ни с кем не общался. Просто сидел на диване, иногда спал и втыкал в ТВ.

Нервы до сих пор расшатаны. Я на пределе. Срываюсь по поводу и без. Воспламеняюсь как спичка. И так же быстро догораю.

Только поэтому устроил сегодня на парковке это идиотское представление. Было просто необходимо причинить кому-то боль. Любую. Хотя бы чуть-чуть. Тупо. По-детски. Нерационально. Веду себя как капризная девка.

Снова закрываю глаза.

Эта рыжая девчонка просто подвернулась под руку. Не она, так другая. Если бы был парень, я бы точно разбил ему морду. Просто так, ни за что. Просто потому, что самому сдохнуть хочется. От злости. От своей тупости. От обманчивой надежды.

О, как мне нравилось обманываться весь этот год!

Выдыхаю. Слышу звонок и спрыгиваю с подоконника.

Пора сваливать отсюда на фиг. На пролете второго этажа пересекаюсь с Яриком.

— О, ты куда? — спрашивает Леднев, упираясь ладонью в перила.

— Домой. На фиг все.

— Поддерживаю. Я с тобой. Кофе только купим давай.

— Ага.

Леднев, пока идем к кофе-автоматам, что-то не затыкаясь мне затирает. Трындит и трындит. В какой-то момент хочется заткнуть ему рот ссаной тряпкой, чтобы заглох.

— Ну ниче такая, кароч. Походу, меня ждут веселые выходные.

— Поздравляю.

— Так поехали с нами, наших соберем и стартанем.

— Нет настроения.

— Блин, не, я согласен — Панкратова топчик, все дела, но, чувак, гораздо прикольнее, когда вокруг тебя толпа девочек. Учись у лучших, — тычет себя пальцем в грудь. — Набор неделька. Каждую ночь новая.

— Смотри не сотрись.

— Ха! Смешно. О, опять эта. Рыженькая. Нормас такая. Задница точно.

Поднимаю взгляд и вижу в двух шагах от себя девчонку. В этот раз она не одна, с подружкой. Тусуются у диванов, рядом с кофе-автоматами.

Заметив меня, рыжая бледнеет.

Бегло сканирую ее взглядом. Худая. Сантиметров сто шестьдесят пять. Рыжая. Кудрявая. С легкими веснушками. Одета на двоечку, и это с натяжкой. Глаза зеленые, но белки красные. Ревела, видимо. Надо будет перед ней извиниться. Не сегодня. Потом. Сегодня я чет не уверен, что меня не переclinит и вместо извинений я не запугаю ее еще больше.

4

Полина

— Девки-девки, кофеек будете? — смеется кудрявый, обращаясь явно к нам.

Кудяков бросает на него раздраженный взгляд, будто прямо сейчас отвесит ему подзатыльник.

Мы с Варей стоим, делая вид, что не слышим.

— Ну ладно, как хотите, — наигранно печально вздыхает парень и прикладывает карту к пин-пойнту.

Замечаю, как Варя не без интереса наблюдает за этим клоуном, и закатываю глаза. Ладно, если быть объективной, то он симпатичный, и на него, скорее всего, многие вот так смотрят. Дергаю подругу за руку, и она отмирает. Моргает и медленно поворачивает голову в мою сторону.

— Ой, я залипла, — шепчет, — симпатичный.

— Ага, — поддакиваю, незаметно поглядывая на Кудякова. Судя по всему, он потерял ко мне интерес, и никакого представления-унижения больше не будет.

Правда, полноценно выдыхаю лишь тогда, когда они уходят. Просто идут мимо, будто бы нас знать не знают. Хотя чисто фактически они нас и не знают...

Остаток дня, к счастью, мы больше не сталкиваемся. Иногда на парах кто-нибудь выдает какую-нибудь дичь в мой адрес, но я игнорирую. Варя права, пара дней — и все всё забудут.

К вечеру, сидя в комнате, я и сама немного забываю о случившемся. Делаю пометки в конспекте, отвлекаясь на разговоры с девочками. По итогу мы сцепляемся с ними языками и болтаем практически до часу ночи, а утром в мыле собираемся на пары.

По дороге в универ Варя звонит маме. Рассказывает, как у нее дела, делится впечатлениями, улыбается. От этой картинки во мне появляется желание тоже позвонить домой, что я делаю очень редко.

Да и сейчас не стоит, но я все же притормаживаю у крыльца, пропуская Варю вперед, и звоню тете.

— Привет, — начинаю с улыбкой, но она сразу гаснет.

— Ты чего звонишь? Денег у меня нет! — сразу же кричит Нина. — Я тебе сразу сказала, что содержать тебя в твоей Москве не смогу. На работу устраивайся.

— Да я... Я просто позвонила. Узнать, как дела.

— Нормально у нас дела. Минус один рот, слава богу! — верещит, а потом начинает орать на кого-то из своих детей.

Крепко сжимаю в пальцах телефон и сбрасываю вызов. Да уж. Позвонила. Знала же, что никаких приятных слов не будет...

Нина ведь была так рада, что я поступила в Москву и скоро съеду.

Я и съехала. Одна. В поезде. С тремя огромными сумками, которые еле-еле дотащила до общаги от вокзала. Меня никто не проводил. Никто не пожелал даже хорошего пути. Меня просто вычеркнули.

Если бы я не подрабатывала все лето, мне бы пришлось жить на тысячу рублей, которую она дала мне с собой на первый месяц в общагу.

Такому, как этот Кудяков, этого не понять. Никогда. Да даже моим девочкам, с которыми мы живем в комнате, не понять. Их любят. У них нет миллионов, но их любят.

А меня никто не любит. Единственным человеком, заботу которого я помню, был дедушка. Жаль, что он не дожил до этих времен.

На секунды прикрываю глаза, чтобы избавиться от всех этих мыслей, и только потом иду сдавать куртку в гардероб. Забираю номерок, засовываю его в сумку и, расположившись у окна на первом этаже, открываю свой конспект.

Кудякова я замечаю сразу, и не потому, что его как-то отслеживаю. Нет. Просто этот его вездесущий Леднев ржет как конь, находясь метрах в десяти от меня. Как назло, еще и Варя куда-то запропастилась. Вытягиваю шею в ее поисках и чувствую, что рядом со мной кто-то появился.

— Что, Лялина, влюбилась? — прыскает от смеха Марина, стараясь заглянуть мне в глаза.

— Губу закатай, Полинка, Кудяков тебе не по зубам, — деловито заявляет Наташа, складывая руки на груди.

— Что? — хмурюсь, не понимая, к чему они это все.

— Что-что? Стоишь тут, пялишься на него и думаешь, никто не видит?

Подружки поочередно закатывают глаза, продолжая по-дурацки улыбаться.

— Я не...

— Марин, — Наташа толкает подруг в бок, — видела, как он на нее посмотрел? — шепчет. — Ой, он сюда идет!

Поднимаю голову и вижу, что и правда идет.

— Кажется, он тебя все-таки заметил, Лялина. Не завидую я тебе. Уверена, что ему вряд ли понравилось, как ты тут на него слюни пускаешь, — шепчет Наташка со смешками.

— Я не пускала, — зачем-то оправдываюсь, чем только больше смешу этих двух.

— Готовься умирать. Ты вообще в курсе, что Вэл и компания раньше игры делали? Там такой треш творился. На людей играли.

После этих слов мне становится окончательно не по себе, а к горлу подступает тошнота. По инерции обхватываю свои плечи ладонями и вжимаюсь в стеклопакет.

— Как это? — в ужасе кошусь на Наташку.

— Так. Просто в один момент человек раз и пропал.

Вздрагиваю. Они же несерьезно сейчас? Растерянно смотрю на приближающегося Вэла и начинаю дрожать от какого-то дурацкого липкого страха. Я в принципе впечатлительная, а на такие темы так и подавно.

Вот зачем я вообще в его сторону посмотрела? Зажмуриваюсь, крепко сжимая пальцы в кулаки, а когда оглядываюсь на девчонок, понимаю, что рядом уже никого нет.

Наташка с Маринкой ретировались и теперь наблюдают издалека.

Кудяков тем временем оказывается передо мной.

— Поговорить нужно, — начинает без всяких приветствий, а меня до чертиков пугает один только взгляд. Холодный. Отрешенный какой-то. Будто он и правда способен играть в людей или на людей, как они там говорили?

Кручу головой по сторонам в поисках поддержки, понимая, что ее не будет. Спасает только то, что мы в стенах университета.

— Я, — хватаю с подоконника сумку, — я очень спешу, извини, — отскакиваю в сторону и, обогнув его по большому кругу, быстро перебирая ногами, спешу к лестнице.

5

Вэл

Нормально так поговорили. Извинился, блин.

— Ты че ей такое сказал? — спрашивает подошедший Леднев.

Оба наблюдаем за тем, как девчонка пулей взбегаёт по лестнице.

— Ничего.

— Уверен? — ржет Ярик.

— Уже не очень, — бросаю недобрый взгляд на двух куриц, которые минуту назад терлись рядом с рыжей, почему-то подсознательно связываю факт ее побега с ними, а не с собой.

— Точно долбанутая, — констатирует Яр, как только рыжая скрывается из вида. — Я на пару, короче, двинул.

— Давай.

В легком замешательстве упираюсь ладонями в подоконник, на котором минуту назад сидела эта беглянка. Может, у нее с нервами проблемы? Дерганая какая-то.

Слышу, как Ярик по пути на второй этаж докапывается до каких-то девок, и они хором смеются. Уверен, что строят глазки этому идиоту.

Мы с Яром вместе выросли. Жили по соседству, пока его отец, гениальный ученый, не эмигрировал в Японию и не забрал Ярика с собой. Вернулся Леднев три года назад. Просто по приколу. Захотелось пожить в Москве.

Отталкиваюсь от подоконника и не спеша иду в аудиторию. Естественно, опаздываю, но препод не придает этому никакого значения. Так и проходит весь день внутри универа. Лениво. Правда, в голову все равно то и дело лезут мысли о Майе. Мы плохо расстались. Странно начали встречаться. Тупо из-за обстоятельств. Много времени проводили вместе. Она со мной дружила, я ее любил. Любил ли?

Не уверен до конца просто потому, что сорваться к ней прямо сейчас, игнорируя злость, мне не хочется. В какой-то момент даже ловлю себя на мысли, что хочется мне какого-то трэша, как раньше. Тусовок. Возможно, даже веселья в виде игр. Наблюдать со стороны, как люди борются со своими страхами, а потом подсаживаются на адреналин в любом его проявлении, приятно. Наверное, в эту самую секунду все мои обещания перед отцом на миг блекнут. Знаю, что у нас договор, знаю, что я обещал больше не страдать всей этой фигней, но меня так крутит от скуки и какой-то тупой незавершенности событий, что я готов на все забить и оттянуться по полной.

— Огонь — девочка, — встречается в мой внутренний монолог Леднев, сидя на пассажирском сиденье моей «Альпины» сразу после пар. — Ну я тебе уже говорил. Кстати, телефончик не надо? Могу подкинуть. Тебе сейчас самое то будет расслабиться. Секс без обязательств, все дела.

— Как-нибудь потом.

— Чувак, так вся жизнь пройдет!

— Че ты там по поводу выходных говорил? — перестраиваюсь в соседний ряд.

— О, у рестика притормози через улицу! Че по выходным? А, мы за город. Ты с нами?

— С вами, — киваю и притормаживаю у тротуара.

— Ну супер, — Ярик с довольной рожей хлопает меня по плечу и вылезает из тачки.

Отпускаю педаль тормоза, а на телефон падает сообщение.

«Привет, это Полина. Ты чуть не сбил меня на парковке».

Палец зависает над этим посланием. Бросаю взгляд на дорогу и сворачиваю влево.

Полина, значит. Занимательно. И что этой Полине понадобилась? Причем настолько, что ей было не влом искать мои контакты. Не она ли сегодня бежала от меня сломя голову?!

«Днем ты была менее приветлива».

Печатаю, набирая скорость. Ответ приходит молниеносно.

«Я подумала и решила, что хочу денег за свое молчание. Иначе мне и правда придется сходить в ректорат. Не думаю, что твоему дедушке понравится эта история».

Естественно, не понравится, но не настолько, чтобы он устроил мне головомойку. Так, выскажет недовольство парой слов и на этом закончит.

Но вот факт того, что в универе завелся кто-то настолько борзый, чтобы напрямую писать мне такие вещи, удивляет. Занимательная выходит картина.

«Твое бабло успешно разлетелось по парковке».

Отправляю и жду ответа уже с неподдельным интересом.

«Ты же понимаешь, я не могла взять их при толпе».

Несколько раз перечитываю текст и всматриваюсь в дурацкий смайлик на конце. Почему-то он кажется мне высокомерным.

Барабаню пальцами по бамперу телефона, прежде чем собрать мысли в кучу и ответить.

Ладно, допустим, я согласен поиграть по твоим правилам. Пишу:

«Тогда где?»

«Сегодня в семь. В старом парке универа».

Старый парк рядом с универом уже давно территория гопоты. Там даже фонари через один светят. Интересное место, конечно.

«Договорились».

Печатаю. Отправляю.

Как назло, еще и мама звонит. У нас с ней условная договоренность с момента, как я стал жить отдельно. Созвон раз в два дня.

— Привет. Как твои дела?

— Все нормально, — отзываюсь флегматично.

— Точно нормально? Голос странный какой-то. С Майей поругались?

— Мы расстались.

— Помиритесь еще, — подбадривает мама.

— Это вряд ли, — крепко сжимаю смартфон. — Слушай, я уже на паркинг заехал, связь сейчас пропадет.

— Вэл...

— Не слышу, — отвожу руку в сторону и сбрасываю звонок.

Обсуждать Майю я не хочу. Не сегодня точно. Да и разговаривать в целом — тоже.

Как только поднимаюсь к себе в аппарты, падаю на кровать мордой в подушку.

Фигня же какая-то. Когда я — и страдал из-за бабы? Не было такого никогда. Не-бы-ло!

Сам поставил точку и сам теперь обтекаю. Апатия еще не трансформировалась в злость, но, когда это случится, меньшее, чего я хочу, это встреть в месть, а сделать гадость хочется. И Панкратовой, чтоб ее, и Мейхеру.

Месть — удел слабых, а я не слабак. Проще забить на все и жить дальше. Уже несколько суток пытаюсь навязать себе эту установку, но получается плохо.

Наверное, даже хорошо, что эта дура назначила мне встречу. Будет на ком сорвать эту самую злость. Она ведь, кажется, абсолютно не догоняет, с кем вообще связалась. Именно с этой мыслью я захожу в этот убогий парк в семь вечера.

Мадам вижу сразу. Стоит под фонарем у лавочки. Вся такая скромница, ни дать ни взять.

— Пришла все-таки, — убираю руки в карманы, останавливаясь у нее за спиной.

Девчонка вздрагивает и резко разворачивается ко мне лицом.

— Смелая, значит?

Внимание привлекают ее бабушкины серьги. С зелеными камнями. Безвкусное старье.

— Или дура просто? — склоняю голову вбок. — Ставлю на второе, — шелкаю пальцами, надвигаясь на эту идиотку.

Рыжая пятится и бросает на меня запуганный взгляд, который вообще не вяжется с тем, что она мне полдня написывала.

— Я просто жду здесь человека, — бормочет и отворачивается.

— Меня, полагаю, — хватаю ее за руку и подтаскиваю обратно. — В переписке ты будешь посмелее.

Полина хмурится, явно не понимая, о чем речь. Она либо реально не в курсе, либо хорошо играет. Испугалась и пошла на попятную?

— Я не понимаю, — снова бормочет, пытаюсь высвободить руку из моего захвата. — Пусти. Я буду кричать.

— Кричи, — улыбаюсь. — Тут нет никого, если ты не заметила. Хорошее выбрала место, безлюдное.

— Пожалуйста, — скулит. — Мне больно.

— Потерпишь.

— Чего ты от меня хочешь? Извинений? Ладно. Я была не права. Не знаю в чем, но, наверное, не права, — тараторит, захлебываясь волнением. — Извини. Извини и отпусти, пожалуйста, — снова дергается. — Я могу извиниться при всех, если хочешь. Только не нужно никуда меня везти. И играть на меня тоже не нужно, — тарашится на меня в ужасе, будто вот-вот разревется.

Тут же разжимаю пальцы, анализируя услышанное. Все становится еще интересней.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю, глядя ей в глаза. — Полина же, да? — стараюсь, чтобы голос звучал максимально спокойно. Обманчиво, конечно, но спокойно.

— Полина, — часто кивает. — Я телефон потеряла. Договорились о возврате. Здесь. Сегодня в семь вечера.

— С кем?

— Я не знаю. Варе позвонили, сказали, что нашли мой телефон, он после пар пропал.

Врет, как дышит.

Осознала, во что вляпалась?

Или не врет?

Хмурюсь. Что бы она мне там сегодня ни писала, вот этот образ затюканной тихони никак не вяжется в моей башке с тем вымогательством, ради которого я сюда приехал.

— Сумку дай, — дергаю за потертый кожаный ремешок.

— За... зачем? — тарашится на меня, широко распахнув глаза, и мне приходится заметить, что радужки у нее зеленые. Рыжая с зелеными глазами, отлично. Ведьма.

— Просто дай, — цежу сквозь зубы.

Полина подчиняется и с опаской протягивает мне свою сумку. Перетряхиваю ее по-быстрому на наличие телефона. И правда, нет. Хотя могла оставить дома, чтобы не палиться, и при желании отмотать все назад, навешав мне на уши лапши.

— То есть ты хочешь, чтобы я поверил в то, что ты приперлась сюда одна за телефоном?

— Можешь не верить, я не должна тебе ничего доказывать, — бормочет со злостью.

И вот этот ее тон, он не просто раздражает, он лишает эмпатии, которую я тут пытаюсь из всех сил из себя выдавить.

— Вау, у кого-то снова прорезался голос? — ухмыляюсь. — Ну-ка пошли-ка со мной, — дергаю ее за руку и тащу к тачке. — Я сегодня злой, поэтому, если хочешь бабла, придется отработать.

Ташу ее за собой, не обращая внимания на ее жалкие попытки высвободиться. Тусоваться с ней в этом парке у меня нет никакого желания, а вот выяснить, в чем тут прикол, есть. Но делать это лучше в тачке.

— Мы пришли, — произношу, вытаскивая из кармана ключи.

Оборачиваюсь и буквально в последний момент успеваю поймать эту... Полину, прежде чем она расшибет себе голову об асфальт.

— Эй, ты совсем... — касаюсь рыжих волос и понимаю, что она без сознания.

6

Полина

Я заметила, что телефон пропал, примерно на середине четвертой пары. Перерыла всю сумку, заглянула в туалет, прошерстила все подоконники на этажах, где сидела, и все аудитории, в которых у нас были пары, но ничего так и не нашла. Поэтому, когда Варе позвонили и сказали, что мой телефон нашелся и его готовы мне отдать без всяких там вознаграждений, сразу согласилась.

Мы с Варей планировали пойти в парк вместе, но к ней неожиданно проездом нагрянули родители, поэтому я пошла одна.

Лучше бы не ходила.

Как так вышло, что он тоже был в парке, загадка. Или же хорошо продуманный план. Неужели пропажа моего телефона — его рук дело? Может быть, эта та самая месть или игра, о которой трепалась Наташа?

Чувствую, как крепко его пальцы обхватывают мое запястье, и впадаю в панику. Я уже такого о нем себе насочиняла после дурацких рассказов девчонок, что остановить полет своей фантазии уже просто не могу. Меня кидает сначала в жар, потом в холод, а в голове проносятся жуткие картинки того, что он может со мной сделать. Почему-то я представляю какой-то подвал, в котором меня держат.

Зажмуриваюсь. Крепко-крепко. Это же бред. Ну зачем я ему нужна? Он же не психопат. По крайней мере, я на это надеюсь...

Тишина и темнота этого места только добавляют антуража. Кричи — никто не услышит. Я даже вырваться не смогу, потому что силы неравны. А если и получится, он меня точно догонит.

Дышу через рот, слышу стук своего сердца, а когда вижу тот самый его черный внедорожник, картинка блекнет. Становится нечеткой. Пульс бьет по вискам с такой силой, что я забываю, как дышать. Паника нарастает с каждым шагом. Я упираюсь изо всех сил, но он так тянет, что все мое сопротивление кажется бесполезным.

— Мы пришли.

Слышу его голос, словно через толщу воды, и понимаю, что земля медленно уходит из-под ног. Картинка меркнет, пока не превращается в огромную, черную пустоту без звуков и запахов.

Реальность возвращается ко мне не сразу, по крайней мере, по ощущениям проходит несколько часов. Открываю глаза от резкого запаха, раздражающего слизистую носа. Картинка вокруг немного плывет. Огоньки режут сетчатку и дwoятся в глазах.

Первое, что осознаю, — я сижу. Мне тепло.

Упираюсь ладонями в сидушку под собой, нерасторопно шарю пальцами по плотному, гладкому покрытию, плавно осознавая, что я здесь не одна.

Понимание этого снова вгоняет в панику.

Очень медленно поворачиваю голову, сталкиваясь с Кудяковым практически лицом к лицу.

Теперь все встает на свои места. Я в его машине. Отшатыриваюсь уже на автомате, но максимум, что у меня выходит, это увеличить расстояние между нами на несколько сантиметров. В пределах салона авто и этого достаточно.

— Ты как? — спрашивает Вэл и снова сует мне под нос какой-то маленький флакон.

Тут же начинаю кашлять от этого запаха. Он сдавливают горло, а на глазах выступают слезы. Всхлипываю, отталкивая его руку небрежным жестом.

— Понял. Нормально, если дерешься, — констатирует со смешком. — Болееешь? — интересуется с прискорбным видом.

Что? Болею? Он меня запугал до икоты, а теперь еще и больной называет?!

Разлепляю губы, чтобы ответить, но вместо этого зачем-то всматриваюсь в его радужки. У него темные глаза. Карие, наверное.

— Не вырубишься больше? — спрашивает и убирает руку из-под моей шеи, причиняя этим движением дискомфорт. В висках тут же начинают долбить маленькие молоточки.

Я ведь даже не чувствовала, что моя голова все это время лежала на его предплечье.

— Эй, ты скажи хоть что-нибудь, — всматривается в мое лицо все с той же гадкой улыбкой.

Ему... ему весело?

— Что сказать? — шевелю губами, убирая волосы со лба.

— Не знаю. Как зовут тебя?

— Полина, — хмурюсь и подтягиваюсь в кресле до момента, пока затылок не начинает упираться в подголовник.

— Супер, Полина. Тебе круто повезло, что я не отъехал вместе с тобой, — ухмыляется. — от страха. Валялись бы, пока какая-нибудь гопота нас не нашла.

— Что? — хмурюсь, совершенно не понимая, зачем он все это сейчас говорит.

— Да так. Где ты живешь?

Зачем ему мой адрес? Вжимаюсь в спинку кресла, поглядывая на него как на исчадь ада. Он что-то снова задумал?

— Эй, не трясись так. Я просто закину тебя домой.

— Зачем?

— Хочу помочь.

— Мне не нужна помощь, — отталкиваюсь, чтобы встать, но голова тут же идет кругом и меня прибивает обратно к сиденью.

— Оно и видно. Поехали, короче, по дороге расскажешь куда.

Кудяков хлопает дверью и огибает машину со стороны капота. Как только садится за руль, просит меня пристегнуться. Просьбу я, конечно, игнорирую.

— Не пристегнешься сама, это сделаю я, — играет бровями, и я тут же набрасываю на себя ремень.

— Вот и хорошо, — почти напевает. — Так что там с адресом?

— Я в студенческом городке живу, — кошусь на него, пребывая в немалом шоке. И теперь не от страха, а от этих странных любезностей.

— Значит, ты не местная?

— Нет, — качаю головой, глядя в лобовое стекло. На улице уже стемнело. Зажглись фонари. Скоро ночь, а я до сих пор торчу на улице.

— Из Питера?

Хмурюсь и все же отрываю взгляд от проносящихся мимо улиц. Поворачиваю голову, рассматривая Кудякова.

— Почему из Питера?

— Не знаю. Просто подумал.

— Нет. Я из деревни, — произношу и жду в ответ издевки, которой, к моему удивлению, не следует.

— Понятно, — Вэл кивает и выкручивает руль, заходя в достаточно резкий поворот максимально плавно.

Нервно тереблю ногти, понимая, что чего-то не хватает. Сумки! У меня в руках ее нет. Кручу головой, чувствуя на себе его взгляд.

— Что-то потеряла?

— Моя сумка...

— Там, на заднем сиденье, — кивает за свое плечо.

Оглядываюсь. И правда там, лежит себе спокойно.

Потираю запястье кончиками пальцев, испытывая какие-то странные эмоции. Никак не могу понять, притворяется он сейчас или нет. Кажется достаточно адекватным, хотя еще полчаса назад снова мне угрожал.

— Что ты там делал? В парке, — все же решаю спросить.

Вэл бросает на меня пристальный взгляд, и я тут же тушуюсь. Зря спросила.

— Ты просила у меня денег, — улыбается. — Назначила встречу.

— Я ничего такого не делала, — произношу очень тихо.

— Да понял уже. Твой телефон гуляет где-то в универе, судя по всему. Кому ты успела так насолить, м, Полина?

7

— Мой телефон?

— Мне писали с твоего номера.

— С моего?

— Точно с твоего. Я пробил.

— А мне сказали, что вернут его здесь... Позвонили Варе и сказали.

Качнув головой, отворачиваюсь. Дурочка, повелась. Не нужно было идти. Хотя, а что мне оставалось делать? На новый денег пока нет. А ходить вообще без телефона вот совсем не вариант.

— Кстати. — Вэл притормаживает у общежития. Корпус не мой. Но идти тут две минуты. — Ты днем так быстро убежала, что я даже не успел извиниться.

— Что? — спрашиваю, резко разворачиваясь к нему всем корпусом.

Что он сейчас сказал? Расслабляю пальцы, которыми уже вцепилась в ручку двери, чтобы выйти.

— Извиниться? — переспрашиваю, округляя глаза.

— За все, что произошло на парковке. Паршивое было настроение. Виноват, признаю, — упирается подбородком в ладони, лежащие на руле в самой его высшей точке.

— Спасибо, — тяну носом воздух, а потом говорю то, о чем, возможно, могу пожалеть: — Только вот унижал ты меня при всех, а извиняешься один на один.

— М-м-м. Справедливость, все дела, да? — Кудяков растягивает губы в совсем не доброй улыбке.

— Было бы неплохо, — тереблю ремешок сумки, прижимая ее к животу.

Вэл молчит, продолжая меня рассматривать. Ежусь под его взглядом, отмечая для себя, что внешне он бы мне никогда не понравился. Может, только улыбка, но улыбается он нечасто, да и неискренне совсем. Больше с издевкой.

— Ну, я подумаю, — кивает, бросая взгляд на мои колени.

Я в джинсах, но все равно становится не по себе. Крепко сжму ноги вместе. Кудякова это явно забавляет.

— Не трясись так, ты не в моем вкусе. Хотя, если честно, — улыбается, — меня пугают твои реакции. Страшно подумать, что вообще творится у тебя в голове.

— Вот и не нужно проверять, — произношу воинственно.

— Согласен. Есть вероятность, что второй обморок ты не переживешь. Топай давай.

Сконфуженно толкаю дверь и, оказавшись на улице, все же произношу:

— Спасибо, что подвез.

— Пока, Полина!

— Пока, — бормочу и, хлопнув дверью, которая, на удивление, не хлопает, а аккуратно закрывается без всякого шума, иду в свой корпус.

По дороге несколько раз оглядываюсь, сама не знаю, для чего. Вряд ли он за мной пойдет, да и я прекрасно слышала шум мотора.

Он сразу уехал. Глупо думать, что он будет ждать, пока я дойду до корпуса, или начнет вдруг преследовать. Глупо, но я, со своими взвинченными нервами, именно так и думаю.

Успокаиваюсь лишь тогда, когда попадаю в комнату. Успеваю даже отдышаться, прежде чем девчонки заваливают меня вопросами.

— Ты чего так долго?

— Телефон вернули?

— Полин? Слышишь вообще?

— Полина!

Варя с Ирой обступают меня по обе стороны, впиваясь взглядами в мое растерянное и, наверное, измученное этим вечером лицо. Расстегиваю куртку на выдохе, роняя сумку себе под ноги.

— Эй, ты чего?! — дергает за руку Ира.

— Нормально, — произношу, захлебываясь воздухом. — Это был странный вечер...

— Телефон-то вернули? — снова зудит Варя.

— Не-а.

— Как так?

— Сейчас все расскажу. По порядку, — вешаю куртку на крючок, наконец-то придя в чувство.

— Я тогда чай налью пока, — суетится Варя.

— Спасибо, — киваю и подбираю свою сумку с пола.

Как только усаживаемся за стол, вижу в глазах девчонок неподдельный интерес и медленно начинаю свой рассказ.

— Извинился? Сам? — вдруг спрашивает Ира.

Мы уже пару минут сидим молча. Перевариваем.

— Ага, — киваю, обхватывая ладонями горячую кружку чая.

— Может, правда испугался, что ты в ректорат сходишь? — предполагает Варя. — Или его твой обморок напугал...

— Я тебя умоляю, — Ира закатывает глаза. — Может, это какая-то игра? Спор? — накидывает вариантов, вынуждая призадуматься.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Зачем ему это?

— Ты не извинилась там, на парковке. Проигнорировала при всех его, кхм, просьбу. Вот он и мстит.

— Тогда зачем подвез домой? — встревает Варя.

— Втирается в доверие, — раздражается Ира. — Усыпляет бдительность, а потом...

— Что потом? — спрашиваю, затаив дыхание.

— Не знаю. Да все что угодно. У этих мажоров чего только на уме нет, — взбивает свои темные кудрявые волосы ладонью. — Я бы ему не доверяла.

— Я и не собиралась.

— И хорошо. А вообще, я слышала, что у него девушка есть и у них там любовь до гроба. Так что, Поль, без обид, тебе ничего не светит, — вздыхает Ира.

— Ты о чем? При чем тут его девушка?

Чувствую, как закипаю. Почему все вокруг в итоге начинают думать, что он мне нравится? Что за дурацкие стереотипы?

— Ну, он явно тебе понравился.

— С чего ты так решила?

— Ты согласилась, чтобы он тебя подвез, несмотря на страх. А значит...

— Это значит только то, что я не сразу пришла в себя, — отрезаю недружелюбно.

— Поль, ну ладно тебе, не дуйся. Я шучу.

— Я спать, — задергиваю покрывало, как штору, и забираюсь на первый ярус кровати, полностью отделяя себя от внешнего мира.

Укладываюсь на бок лицом к стене и подтягиваю колени к груди. Сердце, кажется, до сих пор бьется неровно. Ужасный день. Нет, ужасная неделя. Все же с самого начала пошло наперекосяк.

Я до недавнего времени вообще понятия не имела, кто такой этот Вэл, а теперь это имя меня преследует. Везде и все вокруг, как назло, о нем говорят, ко мне пристают. Зажмуриваюсь.

Извинился он. Будто мне от этого стало легче. Как его кулуарные извинения помогут мне отбиваться от придурков, которые решили, что могут надо мной теперь издеваться? С легкой руки этого Кудякова, между прочим.

Убогая...

Всхлипываю.

Никакая я не убогая. Сами они такие.

Облизываю пересохшие губы. Зажмуриваюсь.

Телефон мне так и не вернули. Кто-то даже решил меня подставить.

Боже мой, Полина, его только для этого у тебя и взяли. Это старье и даром никому не нужно.

А мне-то что теперь делать без телефона? Придется урезать продукты на неделю и шерстить сайты перепродажи. Возможно, найду для себя какой-то подходящий вариант. Завтра с утра этим и займусь, все равно ко второй паре.

Согретая мыслью о скорейшем разрешении проблем, я засыпаю.

Открываю глаза только утром. Ира уже убежала на пары, а Варя с улыбкой на лице залипает в планшет.

— Что пишут? — выглядываю из своего укрытия.

— Ты проснулась? С Ванькой переписываюсь. Из триста седьмой. Знаешь?

— Не-а, — зеваю и вылезаю из-под одеяла.

— Слушай, ему тоже ко второй, он предлагает вместе пройти, ты не против, если я с ним...

— Нет, конечно. — Беру пасту и щетку. — Я отлично дойду сама.

— Не обижайся только.

— Постараюсь, — улыбаюсь и иду на кухню чистить зубы. Нет, можно, конечно, и в умывальники, но тащиться в конец коридора лень, а на кухне все равно никого нет.

Когда возвращаюсь в комнату, Варя уже стоит при параде.

— Еще сорок минут, — напоминаю между делом.

— Ну, мы пойдем медленно, — хихикает, заливаясь краской.

— Ясно. Тогда хорошей дороги. Я планшетом попользуюсь?

— Конечно, бери.

— Спасибо. Совет да любовь?

Варя закатывает глаза и, прихватив куртку, закрывает за собой дверь, оставляя меня одну.

Завтракаю в тишине. Крашусь — тоже. А вот одеваюсь уже под музыку, орущую из соседней комнаты. Напяливаю черные джинсы, рубашку, шнурую ботинки, вжимаю молнией на куртке, успевая посмотреть на себя в зеркало и поправить волосы, прежде чем закрыть дверь на ключ.

На улицу выхожу в приподнятом настроении. Телефон я нашла, и даже не один. Вариантов на мой бюджет, оказалось, масса. Договорились встретиться с продавцом завтра.

— Полина.

Слышу его голос, и улыбка сразу же меркнет. Зачем он приехал?

Останавливаюсь и смотрю на черную машину, которую до этого в упор не замечала. Кудяков стоит на улице, присев на капот, и на нем нет куртки. Джинсы и футболка, при том что на улице от силы градусов двенадцать.

Эта картинка заставляет съежиться от холода.

Поправляю лямку сумки на плече и, немного помедлив, иду к нему. Останавливаюсь на расстоянии шага и вижу, что он держит в руках мой телефон.

8

Вэл

— То есть тебя кто-то развести пытался? — ржет Ярик.

Мы сидим в кальянной нашего общего знакомого. Тут хороший бар и вид на ночную Москву.

— Ага.

— Самоубийцы. И? Нашел?

— Естественно, — улыбаюсь.

— Кто?

— Первачка.

— Серьезно?

— Поехали прокатимся.

— Сейчас?

— Завтра, блин. Поехали.

— Чувак, такая девочка, — подмигивает блондинке за соседним столиком.

— Поехали-поехали.

— Ну поехали, — поднимается следом.

Двигаем на выход. Леднев продолжает лыбиться блондинке.

— Пять сек подожди, — тормозит у соседнего стола.

— В тачке буду.

Пока жду Яра, вбиваю в навигатор адрес, который пробил по геолокации телефона Полины. По адресу выяснил, кто там живет. Сюрприз — одноклассница рыжей. Все встало на свои места. Мгновенно.

Леднев подваливает минут через десять, еще минут через тридцать паркуемся у девяти-этажки.

— Звони, — показываю номер.

— Че говорить?

— Пусть выйдет.

— Ок. Как зовут?

— Наташа.

— Понял.

Ярик набирает номер, просит эту самую Наташу спуститься. Между делом добавляет, что ее контактом поделился знакомый, потому что она пипец как понравилась Яру.

Девка, естественно, даже не думает, что ей могут врать. Выгребает минуты через две.

— Привет, — выдает робкую улыбку.

— Привет, красота, — с широкой улыбкой тряндит Яр и выходит из тачки. — Садись, — открывает заднюю дверь. — Слушай, нас Вэл щас ко мне закинет, я машину заберу, покатаемся с тобой.

— Хорошо. Привет, Вэл, — машет рукой, забираясь в тачку.

— Ну привет, — смотрю на нее в упор, сдерживая внутри себя порыв свернуть этой дуре шею.

Выезжаю со двора и закидываю Леднева в центр, Яр типа идет за тачкой. Назад он, конечно, не вернется.

— Прокатимся? — предлагаю, заранее зная ответ, бросая взгляд в зеркало.

Теперь понимаю, что можно было не мудрить и приехать к этой идиотке самому. Она бы с радостью выбежала из дома, абсолютно не сопоставляя свои проделки с моим появлением. Судя по тупому выражению лица, аналитика не для нее.

Натали смотрит в ту сторону, куда ушел Ярик, закусывает губу.

— А Ярик?

— Он поймет, — улыбаюсь. Считаю про себя до трех.

— Ну... ладно, — растягивает губы в тупой улыбке. — А куда?

— Имеет значение? — спрашиваю и хлопаю по соседней сидухе ладонью.

Эта курица схватывает мгновенно. Забирается вперед и вертит башкой, мол, нет. Естественно, для нее такие вещи значения не имеют.

— Ну и супер, — киваю и давя на газ. Тачка срывается с места с громким воем.

Наташка накидывает на себя ремень, улыбается своими пельменями и делает селфи, как только мы выезжаем на проспект.

— Если я на эту фотку попаду, башку оторву, — предупреждаю монотонно.

Натали тушует и прячет телефон обратно в сумку.

— Я тебя не фоткала, — оправдывается. — Только себя. У тебя классная тачка. Если честно, я не ожидала, что ты позовешь меня гулять.

Гулять? Хочется заржать в голос. Беспросветная дура.

— Говорили, что у тебя девушка есть.

Бросаю на нее раздраженный взгляд. Разговоры о Майе меня напрягают.

— Ой, ты не подумай, мне все равно, даже если есть. Я нормально к этому отношусь. Универ гудит, что Ярик на выходных устраивает вечеринку за городом. Ты там тоже будешь?

— Еще не решил.

— Я могу пойти с тобой, составить компанию и ...

Она тряндит без остановки. Бесит этим дико, но мы уже выехали за город, поэтому терпеть этот тупой треп мне осталось недолго. Съезжаю с дороги в какое-то поле и вырубаю все габариты.

— Значит, — шепчет томно, — я тебе понравилась?

Облизывает губы. Смотрит на мой пах. Ее глаза блестят в свете приборной панели. В теории я, конечно, допускаю мысль, чтобы в нее слить, но эти мерзкие губы-пельмени отбивают все желание.

— Погоди, — хватаю ее за волосы, оттягивая от своей ширинки, — есть вопросик.

— Какой? — хлопает глазами, сексуально, как ей кажется, облизывая губы.

— Телефон давай.

— Какой телефон? — приоткрывает свой рабочий рот буквой «о».

— Телефон Полины.

— Полины? Откуда у меня ее телефон? — хихикает, а у самой глазки бегают. Актриса из нее никакая. — Я не понимаю, о чем ты, Вэл. Правда...

Прикрываю глаза, стараясь просто дышать. Улыбка вырисовывается на губах сама собой. Ну почему всегда так сложно? Зачем это все?

Я не знаю, не понимаю, ничего не делала...

Разворачиваюсь к ней корпусом. Смотрю в глаза. Долго.

Натали нервничает. Ерзает. Открыть рот больше даже не пытается. Чувствует опасность, не совсем идиотка, значит. Ей страшно. Это видно. Шея вытянута, пальцы сжаты в кулаки, плечи вышли вперед, ссутулив спину. Зрачки мечутся из стороны в сторону. Смотреть на меня в ответ она не решается. Отводит глаза.

Неужели и правда думала, что я не узнаю, откуда ноги растут?

У этой рыжей на лице написано, что она не то что денег не возьмет, она с себя последнее снимет ради других.

— Ты тупая, что ли? — спрашиваю наигранно спокойно. — Телефон, с которого мне сегодня строчила, — вкладываю в голос больше металла.

— Я ничего...

Рывком подаюсь к ней ближе. Не трогаю. Просто смотрю. Наташка вжимается в спинку кресла, не дышит, кажется.

— Так и быть, повторю во второй и последний для тебя раз. Телефон где?

— Я не знаю ни про какой телефон. Ты о чем вообще, Вэл?

Плохой ответ. Неправильный.

— Ты решила со мной поиграть? — наклоняю голову вбок. — Уверена, что потянешь? — перехожу на шепот. По-прежнему ее не трогаю, но этого и не нужно. Девка боится. Этого достаточно. — Жаль будет портить такую красоту, — все-таки касаюсь ее волос кончиками пальцев.

Натали приоткрывает рот. Сглатывает. Дрожит.

— Я не хотела, — бормочет, шмыгая носом. — Это Марина. Я ничего не хотела...

— Врешь. Телефон где?

— Там. В сумочке.

— Супер, — улыбнувшись, откидываюсь на спинку своего кресла, утянув за собой ее сумку. Достая телефон.

— Это мой, — пищит. — У нее старый.

— Понял, — выкидываю айфон в окно, достаю второй телефон и отправляю сумку со всем ее содержимым вслед за надкусанным яблоком.

— Мои вещи! — верещит, заикаясь.

— Так иди подбирай и на глаза мне больше не попадайся. Поняла?

— Поняла.

Наташка выкарабкивается из машины каракатицей. Как только она это делает, бью по газам. До дома доберется сама. Уверен, с ее навыками ей не привыкать.

Бросаю Полинкин смартфон на сиденье, кладу вторую руку на руль, барабаню по нему пальцами и, не удержав свое любопытство в рамках, снова тянусь к смартфону.

Экран оживает и требует пароль.

Ввожу пару комбинаций, не забывая следить за дорогой. Бинго. Рыжая, конечно, оригинальная в кавычках. Четыре нуля. Код от телефона — четыре нуля. Проще вообще ничего не ставить.

Открываю галерею. Фотки Москвы. Ранним утром, днем, вечером, конспекты, универ, помойный кот, витрина ГУМа, ВДНХ. Одни пейзажи. Ни одного селфи, ни одной фотки, на которой бы была она сама. Скукота.

Хотя чего я ожидал?

Ну, наверное, что-нибудь в красивом белье. Ну или без...

Снова листаю. О, Сити. Башня, в которой я живу, тоже попала к Полинке на фотки. Забавно.

Сворачиваю лавочку с фотокарточками, открываю мессенджер. Чат группы. Переписка с Варей. Со мной. Все.

Моргаю, не до конца въезжая, как так может быть. Она ни с кем больше не общается? Так бывает вообще?

Блокирую смартфон и кидаю его в бардачок.

Что она там хотела? Публичных извинений? С этим не ко мне, конечно, но телефон я ей верну.

9

Рыжую копну волос вижу издалека. А вот она, судя по всему, меня в упор не замечает. Идет, улыбается сама себе. Точно долбанутая.

— Полина, — не то чтобы кричу, но голос явно повышаю.

Забавно наблюдать, как меркнет эта ее улыбка при взгляде на меня. Судя по выражению лица, видеть меня здесь не рады. Ухмыляюсь, прокручивая в пальцах ее повидавший жизнь смартфон.

— Привет, — отталкиваюсь ладонью от капота, на котором сижу. Ветер задувает под футболку, но холода особо не чувствуется. — Твой? — протягиваю ей телефон, замечая, как она отступает. Ровно настолько, насколько я к ней приблизился. Полшага.

— Мой. Откуда он у тебя? — аккуратно берет свой телефон, чтобы вдруг не коснуться моих пальцев.

— Места знать надо, — убираю руки в карманы. Рассматриваю ее ближе, раз есть такая возможность. Симпатичная, как я уже отмечал. Зашуганная только. Это состояние легло на ее лицо отпечатком. Вот этот страх. Я его чувствую.

Ветер усиливается, и вот теперь становится прохладно. Ежусь.

— Ты его сам... По твоей просьбе у меня украли, да? — прячет смартфон в сумку. В глаза мне не смотрит. Куда угодно, только не на меня.

— Какие гениальные причинно-следственные связи, — ржу. — Почему по моей?

Это даже забавно. То есть у нее в голове я проворачиваю вот какие-то такие тупые и примитивные схемы?

— Больше никому, — жмет плечами на выдохе.

Обидно даже. Зря в такую рань вставал, чтобы вернуть ей этот гребаный телефон в качестве извинений. Не то чтобы меня как-то мучала совесть. Просто девчонка адекватная. Жалко ее стало. Судя по всему, с деньгами у нее туго, и потеря телефона вряд ли вписывается в расходы, поэтому банально ее жалко.

— Естественно, — соглашаюсь. — Садись в тачку, девочка одуван, все расскажу. Особенно, с кем стоит общаться, а от кого лучше держаться подальше, — подмигиваю и открываю для нее дверь.

Полина мешкает. Переступает с ноги на ногу, сцепляет пальцы в замок перед собой. Радости у нее на лице мало. Ощущение, что я ей не в тачку сесть предлагаю, а голову на плаху положить.

— У меня пара. Я не могу, — все-таки цепляет глазами мой подбородок. Выше взгляд не поднимается.

— Через пятнадцать минут, ага, я в курсе. Успеешь. Садись давай, обещаю, что все будет прилично. Подкину в корпус заодно.

— Я могу пойти пешком.

— Можешь, — соглашаюсь, — но не пойдешь. Садись уже. Холодно.

Полина крутит головой по сторонам, замечает парочку студентов. Они не без интереса на нас пялятся.

Ухмыляюсь, а рыжая реагирует максимально нетипично для девки. Обреченно вздыхает и, поджав губы, усаживается на пассажирское сиденье. Хлопаю дверью и, обогнув капот, сажусь за руль.

— Пароль поменяй, кстати, — выезжаю за ворота. — Четыре нуля, Полина. Seriously?

— Ты рылся в моем телефоне? — спрашивает отрешенно, правда, ее выдают руки. Пальцы так сильно впиваются в сумку, что становятся белыми.

— Должен был удостовериться, что он твой, — выкручиваю руль, перестраиваюсь и притормаживаю на перекрестке.

— Понятно, — кивает.

— У кого я его забрал, спросить не хочешь?

— У кого?

— У твоей одноклассницы.

Полина резко поворачивает голову. Вот теперь сталкиваемся взглядами. Не могу не усмехнуться. Выглядит она забавно. Если таким образом на ее лице проступает злость, то это больше мило, чем страшно.

— Наташа, Марина, — перечисляю.

— Ясно, — снова кивает, скатываясь, судя по всему, в какую-то безнадёгу.

— И это вся реакция?

— А что я могу сделать? — спрашивает все так же печально. — Лучшая тактика — не реагировать. Сами успокоятся и отстанут.

— Это не тактика, а избегание проблем.

— Что такой, как ты, вообще может знать о проблемах? — цедит сквозь зубы. Они у нее все-таки есть. Значит, не так безнадёжна.

— Такой — это какой? М?

— Наглый, хамоватый, — хмурит лоб и замолкает.

— Наглый, хамоватый кто? — улыбаюсь. Это даже интересно. — Поделишься?

— Прожигатель жизни. Как ты меня тогда назвал? Убогая? Это вы все убогие. Ты и твои друзья, — отворачивается, кусая губы.

Злит ли меня такой выпад? Вполне. Собираюсь ли я реагировать? Нет.

— Понял, — киваю. До универа еще минут пять ехать. Прибавляю громкость радио.

Полина шевелится. Улавливаю боковым зрением, как отворачивается к окошку.

— Приехали, — сообщаю, притормаживая на университетской парковке.

Полина пару раз дергает ручку, которая не поддается. Удивительно, конечно. Роняет сумку на пол. Подбирает. Торопится. Слышу, как всхлипывает.

Серьезно? Слезы? Значит, я как идиот встал в семь утра, чтобы привезти ей этот телефон, и вместо спасибо должен слушать сначала претензии, а потом слезливый вой?

— Погоди-ка, — хватаю ее за плечо и разворачиваю к себе. — Ты че реवेशь?

— Ничего, — шмыгает носом, снова предпринимая попытку развернуться и вылезти из тачки. — Отпусти!

— Замри. Тихо, — давлю голосом, ну и ладонью, на плечо. — Сиди на месте, — убираю от нее руку. — Если ты выползешь отсюда в слезах, опять пойдут слухи, что я обижаю хороших девочек. На, — протягиваю ей салфетки. — Завязывай реветь. Никто не умер.

В этот момент как раз звонит Ярик. Принимаю звонок, нажимая кнопку на руле.

— Убогий мой, тебе че не спится? — отвечаю Ледневу, смотря при этом на Полину без издевки.

— Че? Сам ты убогий, — басит Яр. — Слушай, я сегодня болею, короче. До утра с той блондинкой зависал. Вечером подваливай за город.

— Ага, — киваю, не сводя с рыжей глаз, она прибилась к спинке сиденья. — Заеду.

— Супер. На созвоне, если что.

Голос Яра исчезает из динамиков тачки, Полина хватается ртом воздух, вытирая щеки салфеткой.

— Короче, — барабаню пальцами по рулю, — «подруги» твои больше близко не подойдут. Телефон я тебе вернул. Успокоил и даже платочек дал, — прищуриваюсь. — Извинения мои, будем считать, ты приняла. Так что давай, — без задней мысли тянусь к ручке, чтобы

открыть ей дверь, — вперед на пары, тянуться к знаниям, — слегка задеваю рукой Полинкин живот. Чувствую, как она напрягается, и закатываю глаза. — Иди уже.

Одуван мгновенно выкарабкивается на улицу и не оглядываясь семенит к корпусу.

10

Полина

Захожу в здание университета, до сих пор чувствуя легкую дрожь в конечностях. Плакать я перестала, к счастью. Не знаю, отчего именно так переволновалась, просто в голове так много мыслей насчет этого Вэла...

Не могу определиться, как к нему относиться. Не могу понять, хороший он или плохой. С чего вдруг столько заботы? Он ведет себя так, словно всех тех унижений на парковке не было, и это, честно говоря, ненормально.

Телефон вернул, да. Запускаю руку в сумку и вытягиваю оттуда смартфон.

Вернул. Правда, полазил в нем. Хотя сам же честно в этом признался. А может, специально хотел меня смутить?

Отдаю куртку в гардероб и поднимаюсь на третий этаж.

Убираю волосы за уши. Занимаю свободное место в аудитории. Вари, кстати, еще нет. Она на сорок минут раньше меня вышла и до сих пор не дошла. Кажется, этот Иван из триста седьмой неплохо так ее заболтал. Улыбаюсь. Искренне радуюсь, что хоть у кого-то все хорошо.

У меня же все стабильно через задницу.

Насколько глупо я выглядела, когда расплакалась у него в машине? Сама хотела высказаться. Высказалась, но легче не стало. Наоборот, почувствовала себя неблагодарной дрянью.

Это такое паршивое состояние. Я вроде как имею право злиться на него за те обзывательства на парковке, а вроде как он помог мне вернуть телефон. Он помог, а я ему нахамила, получается.

Прикрываю глаза. Трудно барахтаться во всех этих противоречивых эмоциях.

Всю мою жизнь я была в чем-то перед кем-то виновата. Даже тогда, когда не сделал ничего плохого, поэтому адекватно рассудить все, что сейчас со мной происходит, не могу.

Я испытываю горький стыд за свою собственную злость, потому что мне внушали, что я не имею права злиться. Я должна быть благодарной. За все, за все благодарной.

А если, Ира права и у него есть какой-то коварный план? Возможно, он действительно суперзлопамятный, а я тут сижу и стыжусь своего поведения? Честно говоря, думать, что он плохой, проще, чем допустить мысль, что он может оказаться хорошим.

Так я хотя бы могу оправдать свой гнев.

Задерживаю дыхание на несколько секунд и слышу голос преподавателя. Распахиваю веки, наблюдая за тем, как профессор садится за стол, а потом пристально сканирует аудиторию взглядом.

Варя забегают как раз в этот момент, долго извиняется перед преподавателем и усаживается рядом со мной.

— Капец, попили с Ваней кофе, — тихонечко хихикает.

Улыбаюсь. Спрашивать у Вари, что и как, смысла не вижу. Она сейчас отдышится и все расскажет сама. По глазам вижу, а они у нее горят восторгом.

— Он такой классный, Поль, — шепчет, пригнувшись к крышке стола. — Мы договорились вечером погулять еще.

— Здорово, — тоже пригибаюсь.

— У меня такое ощущение было, будто мы всю жизнь знакомы. Настоящая химия, — тараторит Варя воодушевленно. — У тебя такое бывало?

— Пока нет.

— О, я очень хочу, чтобы ты это испытала. Ты, кстати, нормально дошла?

— Нормально.

— Прости еще раз, что убежала. Просто мы с ним несколько дней переписывались, он предложил вместе пойти, и я... я не смогла отказаться.

— Да я все понимаю, — улыбаюсь. — Рада за тебя.

— Спасибо.

Варя светится, как солнышко, и крепко сжимает мою ладонь.

К концу пары я знаю все про этого Ивана. Сколько лет, где родился, учился, в какие секции ходил, что любит, слушает, смотрит и еще кучу по факту абсолютно не нужной мне информации.

Следующая пара проходит спокойнее. Варя немного снижает обороты, но то и дело все равно что-то рассказывает. Иногда рассуждает, какой красивой они могут быть парой и прочая милота.

— Как ты думаешь, может, юбку вечером надеть?

— А вы просто погулять идете?

— Ну вроде да.

— Холодно. Долго не нагуляешься в капронках.

— Блин, тоже верно. А хотелось бы подольше вместе побыть. Блин, а можно я твои ботинки возьму? Те, что на массивной подошве? Они так классно с джинсами смотрятся.

— Можно, — киваю.

Осенние ботинки я купила еще летом по большой скидке. Это, наверное, единственная новая вещь в моем гардеробе. Сама их сегодня впервые надела, потому что на улице сильно похолодало.

— Спасибо, Поль. Очень выручила. У Ирки еще шарф возьму, ну тот, серый, и вообще супер будет.

Отвлекаюсь от Вариных рассуждений и смотрю на доску. Пожалуй, стоит что-нибудь записать, потому что лекция в самом разгаре, но половина уже и так прошла мимо моих ушей. И дело не в Вариной болтовне. Дело во мне. Я никак не могу сегодня сконцентрироваться. Рой мыслей в голове не дает покоя. Я снова и снова прокручиваю свое поведение сегодняшним утром в машине и с каждым новым оборотом понимаю, что нужно было просто поблагодарить за телефон и уйти. Не садиться в автомобиль, не предъявлять претензий, а лишь уйти. Минимизировать общение, которого за последние дни стало как-то слишком много.

— В столовую идем? — спрашивает Варя, как только мы выходим из аудитории.

— Пойдем, — соглашаюсь.

Не знаю, зачем вообще я туда иду, ведь, кроме чая и какой-нибудь самой дешевой булки, я там все равно никогда ничего не покупаю. Проще потерпеть до дома, а не раззадоривать желудок сдобой.

Тем не менее через пятнадцать минут мы с Варей с подносами в руках присаживаемся за пустой столик.

— Эй! Эй! Все разошлись! — орет Леднев.

Он вместе с Кудяковым и еще тремя парнями приближается к очереди, которая стоит за едой. То, что студенты расступаются от этих воплей, меня уже не удивляет.

Краем глаза замечаю смеющегося Вэла. Смотрю на него буквально несколько секунд, но этого хватает, чтобы он заметил и стрельнул в меня глазами. На его губах все еще красуется улыбка. Не такая, какую он все это время транслировал мне. Она искренняя. Мальчишеская. Он даже выглядит добрее, что ли, безобиднее точно.

Понимаю, что наши взгляды столкнулись, вздрагиваю, вжимаю голову в плечи уже на автомате и отворачиваюсь.

11

Аккуратно смотрю на Варю. Она вроде этих гляделок не заметила.

— Блин, Ярик все-таки классный, — вздыхает.

— А как же Иван? — спрашиваю с интересом.

— Ваня мне нравится, — улыбается, — а Леднев, ну это что-то вроде звезды с постера. Красивый, но для реальной жизни не годится, — посмеивается. — Кстати, я со своей болтовней совсем забыла у тебя спросить, что с телефоном-то будешь делать?

Позади снова что-то орет Леднев. Также слышу громкий голос Кудякова. Они смеются и спорят. Вряд ли таким способом привлекают к себе дополнительное внимание, просто привыкли, что каких-то границ для них не существует и орать на всю столовую, словно они здесь одни, для них норма. Зажмуриваюсь, понимая, что они сидят на расстоянии трех-четырех столов от нас. Этот факт напрягает.

— С телефоном? — возвращаю свое внимание на подругу. — Да ничего, — поджав губы, вытаскиваю смартфон из сумки.

— Откуда?

— Вэл вернул. Утром сегодня.

— Да? Где? Вы виделись?

— Он к общежитию приехал. Отдал. До корпуса довез даже.

— Ничего себе, — Варя перестает есть.

— Сказал, что это Наташкины проделки. Они с Маринкой свистнули, — вздыхаю. — Ну и сказал, что вернул мне его в качестве извинений за то, что было на парковке.

— А ты?

— А я разнервничалась, гадостей ему наговорила, — тру запястье. — Чувствую теперь себя не очень. Хотя он же обзывал меня при всех тогда, а извинился один на один, вот я и высказалась.

— И правильно сделала. Ничего с ним не случится. Тоже мне божок, — недовольничает Варя.

— Думаешь?

— Да. Но молодец все равно, что запарился, нашел, вернул.

— Тут согласна, — вздыхаю и морщусь от нового взрыва мужского хохота.

Варя оглядывается, недолго смотрит в их сторону, а потом, закусив губы, спрашивает у меня шепотом:

— Слушай, а может, ты ему просто понравилась?

— С чего ты взяла? — замираю. Варя меня смутила своим вопросом.

— А почему нет? Ты такая хорошая, добрая, красивая, почему ты просто не можешь понравиться ему как девушка?

— Не думаю, что я ему могла понравиться, — густо покраснев, смотрю на свой чай. — Да у него вроде и так уже есть. Девушка.

— А я слышала, что они расстались. Говорят, поэтому он такой бешеный и ходит.

— Ну вот видишь, — обхватываю теплую кружку ладонями. — Он страдает, а значит, до сих пор ее любит.

— Не знаю, мне, Поль, кажется, ты себя недооцениваешь.

Молчу. Что я могу ей на это ответить? Прочитать лекцию на тему, что такие, как Кудяков, вряд ли посмотрят на кого-то вроде нас? Мы из разных кругов общения. У нас разный социальный статус, это только в сказке принц влюбился в Золушку...

Допиваю свой чай и, пока жду, когда Варя дожует свой салат, замечаю лучик солнца, красиво падающий на кадку с цветком. Достая телефон, делаю кадр и захожу в галерею, чтобы

его посмотреть. Случайно смахиваю фото влево и вижу размытое селфи Кудякова в темном салоне машины. Скорее всего, это случайный кадр. Нажимаю «удалить» и понимаю, что сердце застучало громче.

— Поль, идем?

Варя уже успела отнести наши подносы, а я даже не заметила.

— Идем.

На социологию приходим одними из первых. Аудитория полупустая. Занимаем места примерно в середине второго ряда. За оставшиеся от большого перерыва десять минут группа оккупирует всю аудиторию. Приходят даже наши отстающие. Два парня, которых я видела буквально три раза за всю половину сентября. Они учатся на платном и, видимо, считают, что посещать им ничего не нужно.

С их появлением становится шумно. Особенно если учесть, что сидят они прямо за нами с Варей.

— Эй, рыжая, ты у нас звезда теперь?! — летит мне в спину. — Кудяков ее нормально так опустил.

Напрягаюсь, но голову не поворачиваю. Никак вообще не реагирую.

— Я со стенкой, что ли, разговариваю? Эй! На меня посмотри, коза!

Молчу. Не поворачиваюсь.

Они еще что-то говорят, обзываются, но я зажмуриваюсь и просто отключаюсь от ситуации.

— Да прикольно будет! — смеются. — Видео включи. Включай. Поржем. Лицо снимай, главное. Вэлу потом покажем, ему понравится.

Варя сжимает под столом мою ладонь. Поддерживает. Улыбаюсь ей.

Слышу щелчок, а потом чувствую запах гари. Запах горячей кожи или волос...

Слышу смех со всех сторон и вижу перекошенное ужасом Варино лицо, именно в этот момент осознавая, что обугливаются кончики моих волос.

Впадаю в немую панику. Первые секунды даже пошевелиться не могу. Они подпалили мне волосы? Это просто в голове не укладывается.

Варя реагирует быстрее, вскакивает на ноги, хватая меня за руку и уводит из аудитории.

Останавливаемся только тогда, когда оказываемся на лестничном пролете между первым и вторым этажом. Запах уже вьелся в легкие. Все вокруг пахнет палеными волосами.

Собираю волосы в хвост и перекидываю их на правое плечо. Смотрю на почерневшие концы и чувствую, как дрожат губы.

— Ты как? — спрашивает Варя. У нее все лицо красное.

— Бывало и лучше, — невесело усмехаюсь.

— Иди в общагу, я скажу преподу, что ты плохо себя чувствуешь.

— Спасибо.

— Какие же они придурки, Поль. Больные на всю голову. Я их... я...

— Забей, — кладу ладонь ей на плечо, но забивать Варя не настроена.

— Слушай, давай пожалуемся Кудякову.

— Зачем? — таращусь на нее в немалом шоке.

— Пусть он им скажет, чтобы они от тебя отстали. Из-за него же все. До того случая на парковке тебя никто не трогал, это он им руки развязал своими словами.

— Не надо, — отмахиваюсь.

— Поль...

— Варя, пожалуйста, — прошу, сжимая ее ладони в своих. — Все нормально. Да и ты слышала, что они сказали? Они ему хотят это все показать, чтобы он посмеялся.

— Ладно, ты права. Иди в общагу.

Часто киваю и бегу в гардероб. Забираю куртку и надеваю ее только на улице. В маршрутку залетаю ураганом. Чувствую, как внутри все сжимается. Жалею себя, конечно. А как только оказываюсь в комнате, срываюсь на громкий, завывающий рев.

Сползаю к полу по стенке, обхватывая себя руками, и раскачиваюсь из стороны в сторону. Чуть погодя, когда появляются силы встать, достаю из ящика ножницы и неаккуратно срезаю сантиметров десять волос, все еще находящихся в хвосте.

Смотрю на себя в зеркало. Губы дрожат. Руки тоже.

Всхлипываю и, нащупав рукой спинку стула, разворачиваю его к себе, чтобы присесть. Не знаю, сколько проходит времени, сколько я вот так сижу, ни разу не пошевелившись, но в общих коридорах становится шумно.

Вздрагиваю, когда стучат в дверь.

Скорее всего, это Варя. Я, видимо, закрылась изнутри. Медленно поднимаюсь на ноги и, шаркая по полу тапками, иду открывать. Отодвигаю шпингалет и вижу перед собой Вэла.

12

Вэл

— Тебе смешно? — прилетает откуда-то сбоку.

Медленно поворачиваю голову, пока не понимая, откуда идет звук. Мы с Ледневым стоим на парковке. Яр курит, я уже собираюсь уезжать.

— Че? — ловлю глазами приближающуюся к нам девку.

— Ей из-за тебя волосы подожгли, — агритса, замирая от меня на расстоянии шага, — а ты тут стоишь и смеешься. Разве после такого вообще можно называться мужчиной?

— Че. Ты. Несешь.

Вообще ничего не понимаю, а радиоактивная мелочь только сильнее краснеет. Глаза вот-вот из орбит вылетят.

— Ты просто придурок! — выпаливает дрожащим голосом, который не скрыть даже под тонной гнева.

— Э! Охренела! — торможу сразу, пресекая любую попытку уйти, схватив ее за шиворот куртки. Подтягиваю назад.

Ярик подходит с другой стороны. Упирается ладонью в крышу машины слева от головы этой наглой малявки.

— Эу, киса, давай-ка поподробней, — ухмыляется Леднев. — А то как-то некрасиво получается. Прибежала, обвинила, убежала.

— Согласен, — смотрю на нее сверху вниз. — И лучше по фактам.

— Ага. Что за голимые предъявы, мелочь? — подключается Яр.

Девчонка переступает с ноги на ногу, нервно убирая волосы за уши. Пялится на нас с неподдельной злостью.

— Ты кто? — спрашиваю, вызывая на ее лице еще больше шока. Я ни разу в жизни ее не видел.

— Я Варя.

— Класс, — ржет Яр. — Это прям о многом нам говорит, да?

— Слушай, Варя, — понижаю голос, — обороты сбавь.

— Вы... вы оба, — захлебывается возмущением, вжимаясь спиной в мою тачку.

— Кто? — улыбаюсь.

Че, блин, в последние дни вообще происходит?

Убираю руки в карманы, рассматривая эту малявку пристальней. Нет, все-таки лицо знакомое, только вспомнить, где я мог ее видеть, нереально, как бы я ни напрягал память.

— Придурки! Самые настоящие! Полине из-за тебя волосы подожгли. Из-за твоего концерта на парковке! Это ты виноват. Из-за тебя...

— Стоп, — не церемонясь зажимаю ее рот ладонью. Хмурюсь.

Леднев наблюдает за происходящим с интересом.

— Полина — это рыжая? — спрашивает, переводя взгляд с малявки на меня.

— Рыжая. Рыжая. Так, — убираю руку, — давай четко и по порядку рассказывай, Варя. Девчонка совершает два глубоких вдоха и отлепляется от машины.

— На паре. Сегодня. Полине подпалили волосы зажигалкой и сняли все это на камеру, чтобы ты посмотрел и поржал, — впивается в меня своими злющими глазами.

— Оу, — выдает Яр, явно офигевая.

— Интересно. Прям вот мне показать? — сам слегка отлетаю от местной борзоты.

— Они так сказали.

— Кто они?

— Суриков и Назаров.

— Мне это о чем-то говорить должно? — вздыхаю, осознавая, что легко отделаться от этой рыжей теперь совсем не получится. Вот какого хрена я вообще докопался до нее на этой парковке-то, а?

Тру переносицу, соображая, что, по-хорошему, нужно найти этих идиотов.

— Слушай. — Леднев достает еще одну сигарету. — Давай по-быстрому их прессанем, да и все. У меня сегодня настроение как раз кому-нибудь в табло зарядить. Показывай, мелочь, где твои злодеи, — смотрит на Варю.

— Вон, — оглядывается и тычет пальцем в компанию из четырех парней, спускающуюся по ступеням крыльца универа.

— Шикарно, — Ярик разминает кулаки и передергивает плечами.

— Тебе заняться нечем? — торможу его голосом. — Поговорим просто. Пачкать руки об этот мусор я не буду.

Закрываю тачку и выдвигаюсь навстречу этому квартету.

— А жаль, я бы размялся, — сокрушается идущий рядом Яр. Мелочь бежит за нами следом, как чихуахуа за ротвейлером.

— Если тебе скучно, пожалуйста, — перевожу взгляд на Варю. — Кто именно поджег?

— Тот, что в красной куртке. А который в капюшоне, снимал на камеру.

— Понял.

— Пацаны! — Яр с ухмылкой на лице разводит руки в стороны. — Разговор есть.

Собственно, как-то словесно отреагировать на оклик Ярика никто из четверки не успевает, потому что, как только Леднев оказывается рядом, без предупреждения заряжает по морде тому, который в капюшоне.

— Эй, вы чего? Парни. Вы чего? — верещит чувак в красной куртке. Он-то мне и нужен.

Хватаю его за шиворот и тащу к тачке, пользуясь замешательством остальных и понимая, что Ледневу все равно ничего не угрожает. Он профессионально занимается боксом последние лет десять.

— Вэл, че происходит? — бормочет «куртка».

— Со мной прокатаешься. А завтра заберешь свое барахло и свалишь отсюда, — заталкиваю в тачку.

— С чего? Мы... я...

— Рот закрой, — все же ловлю настроение Яра и бью этого придурка башкой о торпеду. — Я же просил помолчать.

Брезгливо отталкиваю его башку к подголовнику и сажусь за руль. У общаги паркуюсь минут через десять и закрываю это тело в тачке.

Вахтерша пропускает внутрь без проблем и даже называет комнату, где живет Полина. Для убедительности, конечно, озвучиваю свою фамилию.

Поднимаюсь на третий этаж. Триста двадцать девятая.

Полина открывает с заминкой в пару минут. То, что она внутри, даже не ставлю под сомнение, а просто жду.

Дверь открывается.

В глаза сразу бросаются ее красные веки и белые губы.

— Пройду? — спрашиваю чисто ради приличия, уже переступая через порог.

Полина пятится и утирает руки за спину.

— Пять минут будет у тебя? — Подбираю с пола ее куртку. — Пойдем со мной на улицу.

— Зачем?

— Это быстро. Один человек очень жаждет перед тобой извиниться.

13

— Какой человек? — смотрит на меня как на поехавшего.

— Му... плохой человек. Надевай боты, и пошли, — бросаю взгляд на дверь.

Полина снова хмурится. Неловкими, замедленными движениями надевает куртку, вжимает молнией и натягивает на ноги ботинки, не заботясь о том, чтобы развязать шнурки. Никаких дополнительных вопросов не задает. Просто подчиняется, ну или смиряется... Скорее, второе, конечно.

Перед тем как выйти из комнаты, сует в карман куртки телефон и берет со стола ключи. Закрывает дверь. Несколько раз дергает за ручку.

Чувствую на себе взгляд. Поворачиваю голову, видя выглядывающую из-за угла девушку.

Полина прослеживает мой взгляд и горестно вздыхает, пряча свои волосы под капюшон.

— И с чем связан этот обреченный вздох? — спрашиваю, как только мы делаем несколько шагов в сторону выхода к лестнице.

— Снова поползут слухи.

— Какие? — Толкаю тяжелую металлическую дверь, пропуская Полину на лестничную клетку.

— Что ты мне нравишься.

— А я тебе не нравлюсь? — ухмыляюсь, наблюдая за ее реакцией.

Полина хмурит брови, а потом отрицательно качает головой.

— Совсем? — продолжаю развлекаться. Ну не идти же молча.

— Это тебя так удивляет? То, что ты можешь кому-то не нравиться?

— Это меня очень ранит, — выдаю на серьезных щах, явно привлекая ее внимание к этому ответу.

Полина вскидывает взгляд, замедляет шаг и смотрит мне в глаза.

— Дурацкая шутка, — кривит губы, как только просекает, что я стебусь.

— Да? Вообще, говорят, что у меня хорошее чувство юмора.

— Скорее всего. Тут дело во мне, раз я его не понимаю, — жмет плечами.

Мозг, как цербер, вцепляется в этот ее ответ. Она могла сказать что-то типа: «Они тебе врут или льстят». Но она так не сказала. Она осознанно согласилась, что это с ней что-то не «ок». Занимательно.

— Так куда мы идем?

— Уже пришли, — выхожу на улицу следом за Полиной.

— Ты позвал меня постоять на крыльце?

— Ну почти, — сбегая по ступенькам. — К тачке подойди.

Вытаскиваю ключи, а потом и это очнувшееся тело из салона.

Парень зажимает рукавом куртки свой кровавый нос. Неслабо все-таки я его приложил. Вообще, так не планировал. Это как-то дико — притаскивать сюда эту обезьяну с разбитой рожей, вынуждая извиниться.

— Вэл, я ничего... — гнусавит, глядя на меня, поднимаясь с земли, и замолкает, когда видит Полину.

— Уверен, что ничего? — улыбаюсь.

— Я же не знал. Не знал, что она... Мы просто прикалывались.

— Это я уже слышал. Теперь, — отхожу от него, равняясь с замершей Полиной, — мы ждем извинений. Искренних. С чувством. С выражением.

Полина обхватывает ладонями свои плечи, нервно переступает с ноги на ногу и испуганно на меня косится.

- Ну, — давлю голосом, чтобы этот придурок ускорился.
- Прости. Я не знал. Это шутка была. Глупая шутка. Прости меня.
- Прости меня, Полина, — произношу не без раздражения.
- Прости меня, Полина, — шмыгает носом. Вытирая кровь с подбородка.
- Ты его прощаешь?

Она вздрагивает. Смотрит на происходящее так, словно перед ней живой труп извиняется.

- Полин? — касаюсь ее локтя.
- Да. Да, — часто кивает.
- Ну супер. Вали тогда, — слегка пинаю эту падаль. — На глаза мне больше...
- Не попадаться, — «красная куртка» отползает в сторону.
- Ты прекрасно все понял. Полину, естественно...
- Не трогать. Я понял.
- И всем передать, — перехожу на шепот, склоняясь над этим уродом. — Химчистку

салона мне оплатишь, и чтобы я тебя больше не видел. Вообще.

Замечаю собирающихся у лестницы и на крыльце зевак. Хмурюсь. Класс! Это же именно то, чего я хотел. Нет! Как там Полина сказала? Слухи поползут? Не сомневаюсь...

— Ну все, теперь тебе никто и ничего не сделает, — убираю руки в карманы, снова сокращая расстояние между нами до одного шага, — никогда.

- Спасибо, — чуть запрокидывает лицо.
- Пожалуйста, — смотрю в ее зеленые глаза.
- Откуда ты узнал?
- Подружка твоя рассказала.
- Варя? Я же ее просила, — прикрывает веки и качает головой.
- Правильно, что сказала. Ты у нас, судя по всему, сторонник терпения, и оно у тебя безгранично.

Полина молча смотрит на свои ботинки. Потом оглядывается на дверь в корпус общаги, и, судя по лицу, толпа зевак ее смущает.

- Чай у тебя есть? — закидываю руку ей на плечо и тяну в сторону крыльца.

— Есть, — бормочет удивленно, стараясь быстро перебирать ногами, чтобы поспевать за моим шагом.

- Замедляюсь.
- Супер. С тебя тогда чай. За помощь. И будем считать, что мы квиты.
- Хорошо. У меня только из пакетиков, — сообщает уже на этаже.
- Я как-нибудь переживу.

Полина открывает дверь. Переступает порог. Захожу следом. Наблюдаю за тем, как она стягивает куртку, ботинки и суетливо достает чашки. Щелкает кнопкой на электрическом чайнике, а потом потирает друг о друга ладошки.

Бросаю бомбер на спинку стула. Бегло осматриваюсь. В общаге я не был. Небольшая комната, разделенная двумя шкафами, за которыми прячется зона с кроватями. У двери стол, столешница, стулья, холодильник и вешалка.

Разуваюсь, приклеиваясь взглядом к Полине. Она достает что-то из навесного шкафчика.

Мне вообще плевать, во что одеты люди, но сейчас почему-то акцентирую внимание на ее тонкой вязаной бледно-розовой кофте на пуговицах и темно-синих спортивных штанах прямого кроя. Складывается впечатление, что все это когда-то было куплено на подростка, который просто больше не вытянулся.

- Чай.
- Слышу голос Полины. Моргаю и сажусь на стул.
- Спасибо.

— Ты шоколад ешь? — обхватывает кружку ладошками.

— Я ем все, — придвигаю к себе плитку. — Никогда раньше не был в общагах.

— Ну, я до этого сентября тоже, — робко улыбается, пожимая плечами.

— Слушай, а душ у вас где? С той стороны комнаты дверь?

Полина хмурится, а потом улыбается шире.

— Я тебя сейчас, наверное, еще сильнее удивлю. Душ у нас на этаже. В конце коридора, как и туалет, — поджимает губы, явно сдерживая смех.

— Пиз... интересно, конечно.

— Ко всему привыкаешь.

— Согласен, — киваю, и дверь в комнату резко открывается.

— Полька, это правда, что Кудяков... — верещит блондинка, но, заметив меня, тормозит на пороге и замолкает.

Нехотя перевожу на нее взгляд.

— Ир, — тут включается Полина, — я знаю, что мы договаривались, чтобы никаких парней в комнате, — начинает оправдываться, — просто так вышло, что...

Наивная Полина, конечно.

Откидываюсь на спинку стула, вытягивая ноги под столом. Это все очень забавно. Вряд ли блонди против моего здесь нахождения, скорее наоборот. По глазам же видно. Специально подмигиваю, и девчонка расплывается в улыбке.

14

Полина

— ...просто так вышло, что...

Как же стыдно! Еще немного, и начну заикаться. Чувствую, что краснею, потому что щеки огнем горят. Перед Ирой очень неудобно. Мы втроем договорились — никаких парней.

Я вообще к этому договору скептически отнеслась, ведь знала, что приехала сюда учиться, а не искать отношения.

По факту я и сейчас их не ищу, а Вэл оказался здесь как... друг?

Хмурюсь. Это слово рядом с его именем немного не укладывается в голове.

Друг...

Он мне точно не друг. Знакомый. Человек, который помог.

Человек, который сначала создал для меня проблемы, а потом их решил, так, выходит?

Разглаживаю штаны на бедрах, продолжая немного растеряннo и все так же стыдливо смотреть на Иру. О чем она думает, догадаться сложно, просто потому, что на ее лице застыла какая-то не знакомая мне по эмоциям полуулыбка. Блаженная, да. Она словно вообще не здесь, а где-то в облаках витает.

— Да все нормально, Поль, — отмахивается Новикова, как только приходит в себя и отрывает взгляд от Вэла. Она с момента, как вошла, лишь на него и смотрела. Теперь я вообще сомневаюсь, что была ею замечена до того, как подала голос.

— Вся общага уже гудит, что Вэл, — снова смотрит на Кудякова, расплываясь в глупой улыбке, — заставил этого вашего Назарова, да? Извиняться!

Киваю, но Ира вряд ли это замечает.

— Спасибо тебе, — снова его хвалит с неподдельным восторгом в глазах. — Поля у нас из деревни, поэтому вечно в какие-то заварушки попадает.

Мне кажется или она произносит это с налетом пренебрежения? Заламываю пальцы за спиной, практически сразу отмахиваясь от этих глупых мыслей. Мне после того, что сегодня произошло, все что угодно может померещиться.

Ира касается моего плеча, хмурит брови и, чуть поджав губы, спрашивает:

— Тебе правда подожгли волосы? Бедная моя, — вздыхает, как бы проявляя сочувствие мне, но пялятся при этом все равно на Вэла.

Переступаю с ноги на ногу и почему-то хочу, чтобы Кудяков ушел. Он, в принципе, смотрит здесь инородно, а Ирка так на него глазееет, что мне становится за нее стыдно.

— Поля! — Ира цокает языком, а я вздрагиваю. — Взяла бы мой шоколад. Нормальный. — Открывает холодильник. — А то Вэл подумает, что мы бомжи какие-то.

Новикова хихикает, а я вспыхиваю. Чем ее вдруг не устроил мой шоколад по акции, который она буквально вчера уплетала за обе щеки, я искренне не понимаю.

— Блин, и чай у меня есть классный, мама из Индии привезла! Сейчас достану, — лезет в шкаф, а я просто сгораю со стыда.

За себя. За Иру. За все, что тут происходит.

Нервно веду плечом. Встречаюсь с Вэлом глазами, и в первые секунды мне хочется отшатнуться, потому что успеваю заметить то, с какой холодящей душу полуулыбкой он все это время наблюдал за Ирой.

Растеряннo мнусь на одном месте, абсолютно не зная, как реагировать.

— Может, ты свалишь? — Кудяков кладет раскрытую ладонь на стол, а я вздрагиваю.

Судя по тому, что смотрит он не на меня, его слова адресованы Новиковой.

— Что? — бормочет Ира и, кажется, даже роняет пачку своего индийского чая. Реагирую на ее голос поворотом головы и вижу, что она разочарованно закусилла нижнюю губу.

— Ты глухая?

— Нет, я... — Ира пятится, пока не упирается бедрами в столешницу.

— Ну вот и погуляй минут десять.

Приоткрываю рот, чтобы возмутиться, наверное, но, когда чувствую, что он на меня смотрит, произнести даже слово не решаюсь.

Ира ошпаривает меня гневным взглядом, раздосадованно хватает со стола телефон и выбегает за дверь, громко хлопнув ей напоследок.

— Так на чем мы там остановились? — Кудяков берет чашку с чаем и делает глоток, оставаясь максимально невозмутимым после произошедшего.

— Зачем ты так с ней? — веду рукой по направлению убежавшей Иры. — Она хорошая, — Не знаю, почему вдруг отчаянно хочется оправдать Иру и показать Вэлу, что я общаюсь с нормальными людьми.

— Не заметил. Она тебя унижала, нет? — склоняет голову вбок.

— Тебе показалось.

Вэл ухмыляется, медленно кивает и делает еще один глоток чая.

— Откуда ты вообще взялась... такая? М? — спрашивает, а потом фокусируется на горстке срезанных волос. Я до сих пор не успела их убрать, и они лежат поверх листочка на столешнице.

Легкость, которая, как мне казалось, появилась между нами до появления Иры, испаряется.

Снова чувствую себя максимально напряженно, особенно когда Вэл встает и, обогнув стол, оказывается рядом со мной.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, наблюдая в зеркало за тем, как он стягивает с моих волос резинку. Пучок рассыпается, и волосы падают на плечи. Ежусь. Снова чувствую запах горячей кожи. Мне подождли прядь, а я откромсала концы по всей длине, получив на выходе максимально неровный срез.

Сердце колотится как ненормальное. Я в ужасе. Зачем он меня трогает? Нет, неприязни его прикосновения не вызывают, просто я запутываюсь в происходящем еще сильнее.

— Зачем? — Вэл касается тыльной стороной ладони моей шеи, а пальцами трогает торчащие во все стороны кончики.

Чувствую, как тело тут же парализует. Свойственная мне реакция, но в этот раз я еле-еле нахожу в себе силы, чтобы разомкнуть губы.

— Отрастут.

— Больше тебя никто не тронет, поверь, — произносит таким тоном, что сомневаться не приходится.

Переминаюсь с ноги на ногу, чувствуя, как лопатки касаются прохладной, обклеенной обоями в цветочек, стены. Вэл стоит напротив, убрав руки в карманы джинсов. Больше до меня не дотрагивается, к счастью.

Пауза затягивается. Мои глаза бегают из стороны в сторону. Чувствую себя крошечной под его взглядом. Нужно что-то сказать.

— Спасибо, — решаюсь вновь на него взглянуть.

— Пожалуйста.

Губ касается робкая улыбка, а пульс на этом фоне учащается.

Если честно, я за свою жизнь с парнями почти не общалась. В школе меня задирали, а вне ее стен Нина меня никуда не отпускала, потому что дома и так было полно дел.

Какое-то время мы смотрим друг другу в глаза, а потом Вэл моргает и резко отворачивается. Отходит от меня на несколько шагов, берет со стула свой бомбер. Надевает.

— Проводишь? — спрашивает, уже коснувшись дверной ручки.

— Да, — бормочу и, снова собрав волосы в пучок, иду за ним следом.

Оказавшись в коридоре, почему-то не знаю, куда деть руки. Как назло, ни в штанах, ни в кофте нет карманов. Помявшись несколько секунд, складываю руки на груди, отгораживая тем самым себя от внешнего мира.

Мы молча доходим до железной двери, ведущей к лестничной клетке, и синхронно останавливаемся за пределами коридора на небольшой бетонной площадке.

— Почему ты мне помог? — все же решаюсь спросить.

— Просто захотелось, — Вэл жмет плечами, спускается на ступень ниже и, ухмыльнувшись, прощается.

— Пока, — произношу в ответ и слышу свое эхо.

Вел быстро сбегает по ступенькам вниз и хлопает дверью. Пару минут еще стою на площадке одна, в полной растерянности, и только потом возвращаюсь к себе в комнату, где встречаюсь с Ирой.

15

Новикова кривит губы.

— Ну спасибо, подруга! Он меня из собственной комнаты выставил, а ты стояла и молчала!

— Извини, — опускаю голову. Чувствую себя предательницей. — Он бы меня не послушал...

— Какая разница? Могла бы просто заступиться. В этом вся ты, Лялина, блеешь вечно что-то как размазня. И какой вообще тогда смысл в наших договоренностях, если ты так легко их нарушаешь? — спрашивает с недовольным лицом.

— В смысле? — теряюсь, прикрывая за собой дверь.

— Кудяков — парень. А мы обговорили, что никаких парней в комнате!

— Минуту назад ты говорила другое.

— Ну конечно другое. Не могла же я при нем так сказать. Как ты вообще себе представляешь это? Выгнать Кудякова? Серьезно?

— Извини. Такого больше не повторится, — жму плечами и убираю свою шоколадку, которую Ира тут подъела, в холодильник.

— Конечно не повторится. Или ты думаешь, что он еще к тебе придет? Самой не смешно?

— Я ничего такого и не думаю, Ир.

— Ты и Вэл, — закатывает глаза. — Он тебя просто пожалел. Понимаешь? Бедная деревенская сиротка. Ему тебя банально жалко стало, а ты уже уши развесила. Дура ты, Польша. Голову включай, — стучит себе пальцем в лоб, — такому, как Вэл, ты не нужна! — заключает на повышенных тонах.

Я это и сама понимаю. Только почему-то, когда Ира произносит эти слова с такой неприкрытой злостью, мне становится обидно. Я далеко не красотка, одеваюсь, возможно, как-то безвкусно, и дорогих вещей у меня нет. Но я хороший человек. Разве это не главное, если говорить о симпатии?

— Я ни на что и не претендую, Ира, — отвечаю, сморгнув слезы.

— Еще бы ты претендовала, — закатывает глаза, перемещаясь во вторую часть комнаты, там, где кровати. — Ты думаешь, я с завистью или злостью тебе все это говорю? Нет. Просто хочу тебя, дурочку, уберечь. Он же на тебя банально поспорил. Вот и помогает.

— Почему ты так думаешь? — Забираюсь на свою кровать, оставляя тапочки на коврике и подтягивая колени к груди.

— Полин, ну серьезно, зачем ему тебе помогать? Ты меня прости, конечно, но ты видела, как его девушка прошлая выглядит? Небо и земля же. У нее одни туфли как весь с тобой наш зимний гардероб стоят. Да и в универе о нем как о хорошем мальчике не говорят. Он тусовщик. Не развешивай уши. Вот и все. Он поиздевается над тобой, а ты потом нам тут рыдать в подушку будешь.

Забавно, но я и без Иры прекрасно знаю, что Кудяков точно не добрый самаритянин.

— Ладно, — киваю и беру с тумбочки телефон. Делаю вид, что смотрю что-то интересное, а по факту просто пялюсь в экран.

— Ладно! Хотя бы извинилась. Из-за тебя меня из собственной комнаты выставили.

— Я извинилась. Прости меня, пожалуйста.

— Пожалуйста, — передразнивает меня, стоя перед зеркалом. — Ладно, так и быть. Прощу. Но в первый и последний раз.

Ира еще какое-то время бежит по комнате, периодически что-то мне высказывая, а потом уходит гулять, оставляя меня наедине со своими мыслями.

— Точно ровно? — в двадцатый раз спрашивает Варя. Утром она помогла мне подровнять длину волос, после того как я их импульсивно отрезала.

— Отлично, — улыбаюсь, рассматривая себя в зеркало в холле перед столовой.

— Да? Блин, может, еще вот тут стригануть, когда домой придем? — поддевает прядку у правого уха.

— Все хорошо, Варя.

— Ладно. Но, если что, я предупреждала, что глазомер у меня плохой.

— Нормальный у тебя глазомер.

— Ну ладно, — соглашается, а потом хмурит брови, снова возвращаясь к теме Иры, мы как раз заходим в столовую и видим соседку в дальнем углу. — С Новиковой больше своей едой не делимся. Пусть жрет свой крутой шоколад и пьет индийский чай, выдра болотная. Сама она бомжиха, блин.

— Варь...

— А что? Нет, нормально вообще? Смотрите, цаца нашлась. Правильно Вэл ее выставил! Я знаю, что ее так бесит, что ты с Кудяковым общаешься. Не она, королева красоты, блин, а ты! Вот ее и плющит, кобру.

— Давай не будем больше о ней говорить. Пожалуйста.

— Ладно. Ты что возьмешь? — спрашивает Варя, когда мы подходим к раздаче.

— Как всегда.

— Так, а я выбираю немного, ладно? Подождешь?

— Без проблем.

Забираю свою еду и, пока Варя выбирает салат, жду ее в стороне, присматривая для нас свободный столик. На моем подносе привычный чай и слойка ветчина-сыр. Когда встречаюсь глазами с Наташей, не понимаю, кто из нас первый отворачивается, но это происходит. Иванова последние два дня делает вид, что меня не существует, и это радует. Я, в принципе, занимаю точно такую же позицию.

Останавливаюсь взглядом на пустом столике, и именно в этот момент на плечо ложится чужая рука. Напрягаюсь мгновенно. Правда, это напряжение длится недолго. Я чувствую, что это Вэл, по запаху. Очень уж у него запоминающаяся туалетная вода.

— Привет! — слышу его голос над своим ухом.

Что он задумал?

Поворачиваю голову. Смотрю на него. Вэл подмигивает, расплываясь в улыбке, и тут же берет с моего подноса стакан с чаем. Делает несколько глотков и возвращает его обратно, аккуратно потрепав мои волосы пальцами. Ежусь. Его подушечки проходят по затылку, вызывая волну мурашек.

Девочки, стоящие впереди, пялятся на нас во все глаза. Я и сама, наверное, пялилась бы на их месте.

Смотрю в кружку с чаем и не могу отогнать от себя мысль, что он выпил почти половину за один глоток, а денег на еще один чай я собой просто не брала.

— Ну все, — шепчет мне на ухо, — твои проблемы, к которым я, — поднимает палец вверх, — не имею никакого отношения, официально закончены. Хотя, — хмурится и берет меня за руку, — пойдём-ка со мной

— Куда?

— Пошли.

И я иду. Оказывается, к столу, за которым он сидит с Ледневым и еще несколькими парнями.

— Составь мне компанию, — говорит громко и подталкивает к стулу. Все, кто стоит в радиусе двух метров, точно слышат.

— Меня там Варя потеряет, — произношу вполголоса.

Вэл оглядывается и сводит брови к переносице.

— Не, — ухмыляется, — эту я сам боюсь.

Тоже гляжу на Варю и не могу сдержать смешок. Она смотрит на Кудякова с недобрым прищуром. Еще немного, и начнет притопывать ногой от негодования.

16

7 дней спустя

— Полин! Полина! — смутно знакомая блондинка машет мне рукой, лавируя между спешащими на пару по коридору студентами. — Привет! Я Настя, помнишь? Приглашаю тебя в бар в эту пятницу.

— Меня?

Смотрю на Настю в легком замешательстве. Только теперь, рассмотрев ее ближе, понимаю, что часто вижу ее с Ледневым. Если не ошибаюсь, она учится на третьем курсе. Тоже юрист.

— Конечно. Все ребята там будут, Ярик, Вэл, — акцентирует голосом имя Кудякова, — Никита, Макс, девчонки тоже. Анж, Лида, Оксана. Короче, человек тридцать, не меньше, — тараторит с улыбкой. — Я права получила. Решила отметить!

С момента, как Велий при всех приобнял меня в столовой, прошла неделя. Люди вокруг стали обращать на меня внимание, и Настя, кажется, не исключение. На горизонте маячат выходные, и это уже пятое приглашение на какую-то тусовку за последние семь дней.

— Ты тоже приходи, — обращается к стоящей рядом Варе. — Прости, забыла, как тебя зовут. Вот, — протягивает пригласительные флаеры, — это отдадите охраннику, и он вас пропустит. Затусим уже завтра. Папа арендовал для меня весь второй уровень, так что лишних людей не будет, — подмигивает.

— Спасибо, — беру листовки из вежливости, заранее зная, что никуда мы не пойдем.

Понимание того, что она устраивает какой-то сумасшедший праздник просто потому, что получила права, повергает в шок.

— Ага, — поддакивает Варя. — Спасибо.

Настя расплывается в довольной улыбке, а я не могу не отметить, что она красивая. Высокая, стройная, стильная, с хорошей фигурой и идеальным макияжем. Но больше, конечно, в глаза бросается ее уверенность в себе, которой мне часто, если не постоянно, не хватает.

— Буду ждать вас, девчонки. Повеселимся, — подмигивает и убегает.

— Это кто? — спрашивает Варя.

— Настя, — пожимаю плечами.

— Это многое объясняет.

— Я видела ее с Ярославом пару раз.

— Понятно.

— Надеюсь, когда-нибудь они все успокоятся, — вздыхаю.

— Они приняли тебя в тусовку, Польша, так что не надейся.

— Они почему-то решили, что я дружу с Кудяковым, — парирую. И это правда. Они думают, что мы с ним друзья, поэтому и зовут. Сама по себе я никому из них не нужна.

На телефон падает сообщение. Меня снова добавили в какой-то чат. Теперь эта самая Настя. Поворачиваю экран Варе.

— Говорю же, — крутит в руках флаеры. — Блин, может, сходим?

— А ты хочешь?

— Интересно, если честно. Я в Москве в таких местах еще не была, и не факт, что в ближайшие пару лет вообще попаду... — морщит нос со смешком.

— Я, конечно, тоже.

— Мы всегда можем оттуда уйти, если не понравится.

— А что, если это очередная уловка? — Забираю из гардероба куртку. — Не хочется снова быть куклой для битья.

— Думаешь, они осмелятся? Хотя эти на все способны.

— Вэл тогда сказал, что никто больше не тронет, — припоминаю слова Кудякова.

Мы с Варей выходим на улицу. С утра шел дождь, но после обеда выглянуло солнце и стало жарковато, поэтому куртку я не застегиваю.

— Да нет, ты права, фигня какая-то. Лучше приготовим салат с сухариками и посмотрим сериал.

— Нет, если хочешь, мы можем пойти. Будем держаться вместе, — прикладываю проездной к валидатору.

— Если честно, мне перед тобой неудобно. С тобой такой треш происходил, а я тебя к ним в логово тащу из-за своего любопытства, — бормочет Варя и отворачивается. — Лягнула про этот бар не подумав. Прости.

— Все нормально. Ты чего? Варя!

— Как дура себя веду, друзья так не поступают.

Тру ладошки друг о друга. Если честно, то мне, как и Варе, тоже очень интересно, что там в этом баре. Я никогда и нигде не была. Ира в чем-то права, я самая настоящая деревня в этом плане.

— Я тоже хочу пойти, — шепчу, прилипая щекой к ладони, обхватив вертикальный поручень.

Варя ловит мой взгляд. Синхронно вздыхаем.

— Тогда пошли. Просто посмотрим одним глазком и уедем обратно в общагу. Все равно метро до часа. Да и вахтерша нас позже двенадцати уже не пустит. Можно даже ни с кем из них не общаться, прошмыгнем внутрь по этим бумажкам и затеряемся в толпе.

— Тогда договорились. Посмотрим и в одиннадцать уедем домой, — соглашаюсь, вылезая из автобуса.

— Идет!

В восемь вечера пятницы Варя вовсю гладит платье, а я пытаюсь вытянуть свои непослушные волосы утюжком, изначально понимая, что это глупая затея. К концу вечера на голове не останется и следа от укладки, а волосы снова завьются.

В девять мы заходим в бар, который, по ощущениям, все же больше смахивает на клуб. Остаться незамеченными не получается, потому что Настя машет нам рукой, стоя на лестнице. На ней экстремально короткое красное платье и туфли на высокой шпильке.

— Девчонки! — лезет обниматься, как только мы оказываемся рядом. — Так, проходите наверх. Я Оксану встречу и поднимусь.

Киваем с Варей синхронно, глядя вслед уходящей Насте.

— Зачем я гладила это платье? На ее фоне, его никто не заметит. У нее одни ноги чего стоят...

— Про себя я вообще молчу, — прохожусь ладонями по бедрам, разглаживая чуть собравшееся на них гармошкой черное платье-лапшу. Оно тонкое, ниже колена и с воротником, как на водолазке.

— Может, уйдем? — предлагает Варя, оглядываясь по сторонам. Нам обеим здесь жутко некомфортно.

— Давай, — тут же соглашаюсь.

Переглядываемся, улыбаемся друг другу с облегчением, но уйти не успеваем. Настя под руку с Оксаной уже возвращаются.

— Вы чего тут стоите? Пошли! Кстати, — обращается ко мне, — а Вэл приедет? С Яриком или один? Во сколько? — заваливает вопросами.

— Не знаю, — жму плечами, шагая по ступенькам.

— Тебе тоже ничего не сказали, да? Я Ледневу сегодня полдня пишу, а он молчит, — закатывает глаза. — Может, ты Вэлу позвонишь и спросишь, где они, а?

17

— Да я не...

Договорить мне не дает Варя. Перебивает.

— Так позвони Ледневу сама, — предлагает Насте с улыбкой.

После Вариной фразы, блондинка отводит взгляд, и между нами повисает пауза.

— Девчонки, — нарушаю эту напрягающую тишину, — я не так близко общаюсь с Вэлом, как вам кажется, и я уж точно не буду ему звонить. Поэтому нам, наверное, лучше уйти.

Настя хмурится, притормаживая у перил.

— Зачем уходить? — спрашивает с явным удивлением в голосе. — Я не какая-нибудь там стерва, которая позвала тебя исключительно из-за Вэла, — закатывает глаза.

— Конечно. Девчонки, вы чего? Мы вас позвали, чтобы познакомиться. Мы все друг с другом общаемся, с кем-то чаще, с кем-то реже, но если гуляем, то все вместе, — поддакивает Оксана. — Идемте.

Переглядываемся с Варей, без слов решая, что все-таки посмотрим, что будет дальше.

А дальше мы оказываемся на диване в окружении практически незнакомых людей. Я знаю буквально человек шесть из всех, и двое из них — Настя с Оксаной. Внимания, к счастью, на нас никто не обращает, и уже минут через пять я чувствую себя менее напряженной.

Варя же отпускает ситуацию сразу. Берет коктейль и медленно тянет его через трубочку.

Мы даже успеваем познакомиться с тремя парнями и пятью девушками. Все оказываются милыми. Никто не смеется и не пытается нас как-то унизить.

— О, это колечко из новой коллекции, — схватив Варю за руку, восхищается Лика. — А мне папа не купил, — дует губы.

— Это дешевая копия, — улыбается Варя.

Лика заливисто смеется.

— Смешная шутка. О, Ярик пришел, — шепчет, придвигаясь ближе к нам. — Смотрите на Настю, сейчас целое представление будет.

Лика хихикает, пока Настя легкой походкой подплывает к Ярославу и обнимает его за шею. Чуть отстранившись, целует в щеку и, широко улыбнувшись, что-то говорит ему на ухо. Лицо Леднева при этом транслирует то, как сильно ему не нравятся Настины прикосновения. Он даже не считает нужным это скрывать.

— Видите, да? — вздыхает Лика. — Бедная. Она за него душу продать готова, а он мимо пройдет и не заметит даже. Я бы так не смогла. А-а-а-а! Велий! — Лика взвизгивает и быстро подсакивает с диванчика. — Привет. Как ты? Вы что-то рано сегодня...

Свожу колени вместе, чувствуя тотальное напряжение. Не с первого раза, но решаю приподнять глаза и вижу Кудякова.

Лика клюет его в щеку, начиная без умолку что-то рассказывать, пока Вэл со скучающим видом садится в кресло напротив и закидывает ноги на пустой столик высотой сантиметров в шестьдесят.

Чувствую на себе его взгляд и краснею. Почему-то я забыла о том, что обязательно с ним здесь столкнусь. Вот и что он теперь обо мне подумает. Наверное, что я пользуюсь его, так сказать, «дружбой» в корыстных целях.

Стыдливо отвожу глаза, нервно теребя край телефона.

— Привет, Полина.

Он здоровается со мной сам, и тархтящая без остановки Лика тут же замолкает. Вижу ее выражение лица боковым зрением и понимаю, что происходящее ей по вкусу не пришлось.

— Привет, — поджимаю губы, бросая на него беглый взгляд.

— Варвара! — произносит Кудяков с усмешкой, съезжая в кресле чуть ниже.

Варя расправляет плечи и, задрав подбородок, произносит холодное: «Привет».

— О, киса, и ты здесь, — смеется появившийся за нашими спинами Леднев, нагло сжимая ладонью Варино плечо.

Подруга молчит, но я вижу в ее глазах шок на грани какой-то эйфории. Леднев ей симпатичен, а потому его внимание вызывает в ней бурю эмоций, которые скачут сейчас по черепной коробке, лишённые возможности выбраться наружу, ведь Варя себя контролирует.

— Подвиньтесь, девки, — Ярослав все так же вальяжно отодвигает Варю и падает на диван рядом с ней.

Мне от этого резкого напора приходится даже вжаться в мягкую боковую спинку.

— Так вы все знакомы, — бормочет Лика, натянуто улыбаясь.

— А ты кто? — спрашивает у нее Леднев, и Лика вспыхивает.

Кудяков ухмыляется, отрывая взгляд от экрана телефона.

— Ярик, — хихикает брюнетка, — ты такой шутник.

Леднев приподнимает бровь и снова переключает внимание на Варю. Он что-то очень тихо ей говорит, и в какой-то момент подруга улыбается.

Вэл пару секунд наблюдает за происходящим и снова погружается в смартфон.

Нервно постукиваю ботинком по полу и чувствую легкую вибрацию. Мне весь вечер из-за музыки кажется, что телефон в сумочке не переставая вибрирует, но сейчас это оказывается правдой. Звонит Нина. Проигноировать ее звонок не решаюсь и отхожу в место потише. Какой-то коридор.

— Привет. Все хорошо?

— Чего хорошего?! Какой пин-код у твоей карты? — нервно шипит Нина.

— Три восемь девять два.

— Отлично. Это у тебя там музыка, что ли? Шляешься где-то? Если в подоле мне принесешь, даже не надейся на помощь, вышвырну вместе с пузом. Поняла меня?

— Да.

Сглатываю ком очередного разочарования от тетки, а она тем временем сбрасывает звонок. Тяну носом воздух, закрываю глаза и прилипаю затылком к стене.

На телефон падает сообщение. Тру щеки и немного подрагивающими руками открываю СМС. Со счета списаны все имеющиеся там средства.

Когда я уезжала в Москву, оставила Нине карту, на которую мне переводят пособие. Тогда мне казалось это разумным, потому что здесь у меня будет стипендия, я найду работу, да и собрала небольшую «подушку» за лето. Разумным, потому что у Нины дети, неработающий муж, куча проблем, и им будет нелишней каждая копейка. Разумным, потому что мне так внушили.

Прячу смартфон обратно в сумочку и, обхватив голову руками, медленно сползаю по стеночке к полу. Обидно. Мерзко. Больно. Какое-то время сижу так неподвижно и, только придя в себя окончательно, возвращаюсь обратно в зал.

Подхожу к дивану, где мы сидели, и не вижу там Вари. Ее нет. Там только Кудяков, все так же неподвижно залипающий в телефоне. Он меня, кажется, даже и не замечает.

Звоню подруге несколько раз, но абонент оказывается не абонент. Прекрасно. И что мне делать теперь?

Краем глаза смотрю на Вэла. Понимаю, что логично будет у него спросить, куда все исчезли, но смелости не хватает. Топчусь на одном месте как дура, не решаясь открыть рот.

Кудяков блокирует экран и резко запрокидывает голову, встречаясь со мной глазами. Видимо, почувствовал мой взгляд, или его просто начало напрягать мое присутствие у себя за спиной.

— И?

— Ты не знаешь, куда пропала Варя? Дозвониться не могу.

— Без понятия.

— Понятно. Спасибо.

Впиваюсь ногтями в свою сумочку, пытаюсь просканировать толпу здесь и внизу. Да, отсюда открывается вид на второй танцпол и бар на первом уровне. Смотрю, но Варю не вижу.

Вэл, кстати, так и продолжает сидеть с чуть запрокинутой головой. Очень остро чувствую на себе его взгляд.

— С Яром твоя подружка свалила.

— Что?

— Я как-то невнятно выражаю свои мысли? — отталкивается ладонями от ручек кресла и пересаживается на диван. У кого-то сегодня явно плохое настроение.

— Внятно. Просто Варя не могла меня бросить здесь одну.

— Значит, Яр ей что-то наплел.

Кудяков жмет плечами и улыбается. Его вся эта ситуация забавляет.

— В смысле наплел? — присаживаюсь на краешек дивана, прямо напротив Вэла, и неосознанно подаюсь вперед.

18

Велий

Не могу сдержать усмешку. Откладываю телефон в сторону и внимательно смотрю на Полину. Она реально вот такая, не от мира сего, или прикидывается?

— В том смысле, что он с ней сегодня переспит, ну или, — смотрю на часы, — уже переспал.

Полина хмурится. Даже при неярком освещении я вижу, как она смущается и краснеет.

— Варя не такая, — бормочет, собирая пальцы на столе в замок.

— Окей, — беру телефон и откидываюсь на спинку дивана, мельком наблюдая за тем, что это рыжее чудо будет делать дальше.

— То есть ты на сто процентов уверен, что она с ним, да?

— Запустить видеозвонок?

— Не надо, — мотает головой и достает из сумки телефон.

Видю, что тыкается в карты. Смотрит маршруты автобусов от метро до общаги, прикусив при этом кончик языка. Если бы передо мной сидела та же Лика, вот это действие я бы воспринял иначе. У этой же все явно без подтекста. По жизни, в принципе, без подтекста.

— Уже уходишь? — реагирую, замечая, как она начинает подниматься.

Мне скучно, и тянет на потрындеть, потому что никакую приличную деваху, с которой свалю отсюда сегодня, я еще не присмотрел. После Панкратовой если не каждое утро, то через день, я просыпаюсь с какой-нибудь новой матрешкой, и, естественно, завтра не станет исключением.

Полина отрывает глаза от экрана и едва заметно кивает.

— Так быстро? Зачем вообще тогда сюда приходила?

— Посмотреть. Просто было интересно посмотреть, я никогда не была в таких местах.

— И как? — упираюсь локтем в стол, а виском в ладонь. — Нравится?

— Если честно, не очень.

— Почему?

— Не знаю, — пожимает плечами и переводит взгляд на нижний танцпол.

— Пошли тогда.

— Куда?

Полина вздрагивает, когда хватаю ее за руку и вытаскиваю из-за стола. Мне скучно. Тупо скучно, поэтому я тяну ее вниз. Как раз туда, куда она смотрела. На танцпол. Но сначала к бару, естественно.

— Сюда.

Крутанув Полину вокруг своей оси, приподнимаю ее над полом и сажаю на барный стул.

— Две текилы, — прошу бармена.

— Но я не пью, — таращится на меня во все глаза.

— Ну кто бы сомневался.

— Я могу с тобой выпить.

Поворачиваю голову. Голос исходит из блондинистой головы. Не мой формат точно. Такой на башку нужно будет пакет надеть, перед тем как... Не важно.

— Ага, одна прибухни, —двигаю к ней стопки с текилой и снова разворачиваюсь к Полине. — Выдохни уже, — произношу на ухо, прекрасно понимая, что смущаю ее этим еще больше.

В хороших, скромных девочках есть свой флер. Вся эта робость, открытые, почти детские взгляды, это даже забавляет, но ненадолго.

— Я опоздаю на метро.

— Посиди минут двадцать, составь компанию. Я тебя потом закину в твою общагу без всякого метро.

— Но...

— Колу, — прошу бармена, делая вид, что не слышу Полину.

Чем я занимаюсь сейчас? Страдаю фигней. Мне скучно. Она забавная, и на пару часов я оставляю ее себе. Это явно лучше варианта, если ее здесь кто-нибудь накачает, а потом натянёт в туалете. Сколько ей нужно алкоголя, чтобы быть на все согласной или ни черта не соображающей? Мало.

— Полина! – верещит подошедшая к нам Настя. — Пойдем с нами, потанцуем, — тянет рыжую за руку.

— Да я...

— Пошли! Вэл, — смотрит на меня с улыбкой, — а где Ярик?

— Без понятия, — развожу руками, замечая, как Полина поджимает губы.

Сдаст подружку или нет? Судя по выражению лица, вряд ли...

Леднев по жизни ни одной юбки не пропускает, а на Полинкину подругу у него все встало еще на парковке. Возможно, он даже пару недель с ней потусит, лезть в это я не хочу и не буду, естественно.

Разворачиваюсь, уводя взгляд в толпу. Девки все-таки вытащили Полину танцевать. Делаю глоток колы, ставлю стакан на бар и краем глаза замечаю ту, кого не хочу. Ту, кого лет сто бы не видел.

Какого черта она здесь? В Москве мало мест, где можно потусить?

— Привет, — Майя подходит ближе и взмахивает рукой, глупо улыбаясь.

Киваю. Сканирую пространство вокруг нее. Пьяный взгляд, естественно, тоже не остается незамеченным. Ей весело. Поэтому она подошла. Меня блевать тянет от этих лживых улыбок, от этих условностей и правил, где нужно быть современными людьми. Ну типа, вместо того чтобы свернуть кому-то шею, ты обязан попробовать решить все словами. Эра голимого трепа, а не действий.

— Ты одна здесь, что ли? — спрашиваю, на кой-то черт ввязываясь с ней в диалог.

Мейхера и правда, судя по всему, рядом нет. Разбежались уже? Хотя не думаю. Это мои большие фантазии, не больше.

— С подружкой. Она там, — отмахивается. — Девушка твоя? — смотрит на рыжую. — Красивая, — снова улыбается.

— Не твое дело.

Не грублю, но тоном даю понять, что обсуждать свою жизнь с ней не буду. Майя как какое-то проклятие, ей-богу. Сама тонет в чувстве вины и других это заставляет хавать.

— Я... — бормочет, делая шаг назад.

— Что? Зачем ты подошла? — давлю голосом не церемонясь. Открыто агрессивую.

Из меня рвется злость, замешанная на обиде. Несколько лет в унитаэ просто! Хорошая девочка Майя, так только, сердце вырвала.

— Поздороваться.

— Зачем? Твоя вежливость мне на фиг не уперлась. Так что мимо.

— Извини, я не подумала. Просто решила... — переминается с ноги на ногу, нервно улыбаясь.

— Ты пьяна, что ли? — хватаю ее за руку и смотрю в глаза. Угадал. — Да тебе домой пора.

— Я сама решу, что мне пора!

Майя огрызается. Боковым зрением вижу идущую сюда Полину и разжимаю пальцы. Панкратова от неожиданности покачивается.

— Хорошего вечера, — бормочет и торопливо сваливает, пока я отвлекся.

И прекрасно, туда ей и дорога.

Настя в этот момент опять хватает Полинку за руку, улыбается, что-то ей говорит и снова уводит танцевать.

Прикрываю глаза. Считаю до десяти и, сорвавшись с места, расталкивая толпу, иду на выход. Меня бомбит от злости.

Выхожу на улицу. Нашупываю в кармане ключи от тачки и просто отсюда уезжаю. Пошло оно все к черту!

19

Первые минут пятнадцать просто еду вперед. Злюсь, крепко стиснув зубы.

Собственные реакции на Панкратову меня бесят. Когда-то я заметил ее первым. Арс тогда еще плавал в своей шизоидной реальности и люто ее ненавидел. У меня же крышу сорвало с первого взгляда, правда, это быстро сменилось пониманием, что нам с ней ничего не светит. Она влюбилась в Мейхера. Дура.

Потом они поцапались, Мейхер свалил в Штаты, Майя осталась здесь. Я был уверен, что он не вернется, и дал себе второй шанс. Дебил. Мейхер вернулся через четыре года, за которые она так и не перестала его любить. Спала со мной, а любила его.

Понимал ли я это? Да.

Пытался с этим что-то сделать? Пытался.

Но все закончилось плохо. Для меня. Он вернулся. Она отдалилась. Баста.

Упираюсь затылком в подголовник, обхватывая руль на вытянутых руках. Хочется покурить. Я никогда не был зависим от этой дряни, разве что в школе по приколу. А теперь вот тянет. Саморазрушение начинается именно с этого. Сигарета. Стопка. Доза. А потом все это в темпе оправдаю кровавой душевной раной.

Чертова Майя!

Бью по рулю, задевая клаксон. Морщусь от звука и тянусь за телефоном. Панкратова не моя ответственность, но у нее явно какие-то траблы. Лезть к ней в душу и помогать я больше не намерен, поэтому звоню Мейхеру. Теперь пусть он разбирается со всем этим дерьмом.

— Майя бухая, в клубе, — сообщаю без эмоций, как только он берет трубку.

— Майя?

— Я не по-русски говорю? Приезжай, забирай. Метку скину. Ну, — ржу, сдвигая руль пальцами до скрипа, — или у тебя скоро появится конкурент, — намеренно вывожу на эмоции.

— Ты, что ли?

Мейхер психует. Не сказать, что это сильно меня радует, но приятный осадок остается.

— Тогда я бы тебе не звонил, плакса, — ухмыляюсь, перестраиваясь в крайний левый ряд.

— Завались.

— Рожа у тебя, судя по всему, затянулась, раз такой смелый?

Не так давно я все-таки разукрасил ему морду. Это был гребаный порыв. Не свойственный мне порыв, потому что я все же предпочитаю говорить, как бы меня ни бомбило изнутри. Если я выбираю действие — то это точно будет не банальный мордобой. Все будет изощренней.

Но тут, грешен, не сдержался. Майя назвала меня его именем. Башню, естественно, сорвало. Там вообще все совпало. Я шел в бар, а встретил Гимаева, нашего общего друга, он-то меня к Мейхеру и привел. Кулаки чесались, эмоции рвались наружу, я не сдержался. Не жалею об этом, конечно.

— О, за это ты еще огребешь, козел.

— С нетерпением жду, му*ак, — скидываю звонок и отправляю ему метку бара.

Метку бара... В голове в эту же секунду щелкает.

Бар. Полина. Мое обещание закинуть ее домой.

Мельком смотрю на часы. Двенадцать. Я колесил по городу около часа.

Резко оттормаживаюсь перед светофором и разворачиваю тачку на перекрестке.

Рядом с баром оказываюсь минут за пятнадцать. Бросаю машину у дороги, когда замечаю Полину в окружении трех бородатых мужиков. Они ей что-то втирают, а она с едва заметной улыбкой трет нос. Плакала?

Вылезаю из тачки и иду туда.

Я мог бы проигнорировать, мало ли что и кому обещал. Но Полина — это как будто про другое. Она как ребенок. Зашуганный ребенок. В глубине души мне ее банально жалко, наверное. Поэтому и вернулся. Так будет логично — вернуться, если ты кого-то пожалел...

— Давай мы тебе такси закажем. Понятно же, что денег нет.

— Не надо. Спасибо, — отнекивается Полина.

— Мужики, от девчонки отвалите, — приближаюсь, нервно сжимая и разжимая кулаки. Если кто-то из них решит быковать, по шам я получу больно и много. Все эти драки точно не мое. Боль я не приемлю. Вообще, насколько отбитым нужно быть, чтобы не бояться боли?

— Это кто там такой смелый? — басит один из троицы.

— Я его знаю, — тут же встречается Полина.

— Точно знаешь?

— Да. Мы учимся вместе.

— Ладно, — одобряет «борода». — Ты чего девочку бросил? — кидает мне претензию.

Молчу. Смотрю на Полину. Плакала.

Мы стоим метрах в пяти от входа в бар.

— Держи, Поль, — самый высокий из трех протягивает ей телефон, отрубая его от пауэрбанка.

— Спасибо, ребят, — благодарит рыжая, а потом смотрит на меня.

— Слушай, — перекатываюсь с пяток на мыски, запуская пальцы в волосы на затылке. Вроде как собираюсь оправдываться. — Я... — смотрю на мужиков и отвожу Полину чуть дальше. Ну как дальше, почти к своей тачке. — С тобой все хорошо? — рассматриваю ее пристальней.

— Да.

— Ты плакала.

— Это не из-за них. Они помогли. Зарядку дали, такси предлагали оплатить, воду купили. Только сейчас замечаю у нее в руке маленькую пластиковую бутылку.

— Извини, — тяну ее на себя. Касаюсь виском Полинкиной щеки, и это, на удивление, заземляет. Физический контакт. Чья-то близость. Она теплая. Пахнет как-то особенно, выглядит. — Пойдем, я тебя отвезу, — произношу уже тише.

Полина мотает головой, чувствую, как упирается ладонью мне в грудь.

Опускаю голову, чтобы на нее взглянуть.

— Полин...

— Не нужно куда меня везти.

— Почему? Мне нужно было уехать... Так вышло. Прости.

— Половина первого уже.

— И?

Полина моргает, смотрит на меня как на идиота в этот момент.

— В общежитие не пустят до шести утра.

Чувствую себя лохом каким-то. Вроде как обещал ей, что закину домой, что проблем не будет, а в итоге они только удвоились.

— Пойдем, — сжимаю ее ладошку в своей. — Прокатимся тогда. Спасибо, мужики, — взмахиваю рукой и подталкиваю Полину к тачке.

— Зачем?

— А ты собралась под дверь в общагу ночевать? Сама говоришь, не пускают. Поехали.

Полина недоверчиво смотрит на меня, потом на открытую дверь тачки. Переминается с ноги на ногу и все же забирается в салон.

Огибаю капот и падаю за руль.

Полина пристегивается и через какое-то время после того, как мы выезжаем на дорогу, достает телефон. Включает камеру.

Хочу открыть рот, чтобы предупредить, что меня на ее фотках, да и чьих-либо еще, быть не должно, но практически сразу понимаю, что фоткает она не себя и уж точно не меня с собой. Она щелкает ночной город. Все эти фонари и подсветки.

— Красиво, — улыбается, перелистывая получившиеся фотки. — Я ни разу еще не была в городе ночью.

— Почему? — спрашиваю и сам же отвечаю на свой вопрос: — Общага до двенадцати?!

— Да. Ну, и по вечерам мы учим. Некогда гулять.

— А сегодня исключение из правил?

— Что-то вроде того, — соглашается. — Ты уехал из-за той девушки, с которой разговаривал у бара? — спрашивает чуть погодя.

20

— Тип того.

— Это твоя девушка?

— Бывшая, — вцепляюсь в руль. Пальцы белеют от напряжения и силы, с которыми я их сжимаю.

— Ты ее любишь?

Чувствую на себе взгляд. Открытый. Наивный какой-то.

— Нет, — выпаливаю на автомате. — Не знаю, — хмурюсь.

Зачем вообще ей отвечаю, понятия не имею. Девочка одуван, блин.

— Почему вы расстались?

Бросаю на Полину раздраженный взгляд, давая понять, что обсуждать это не буду, но она словно не понимает. Это какой-то прикол — залезть мне в душу? Двойное дно? Скрытый смысл?

— Я уверена, что у вас все будет хорошо, — улыбается краешками губ, чем еще больше выбивает из колеи. Кошусь на нее как на ненормальную.

— По отдельности — несомненно, — все же втягиваюсь в этот бредовый диалог.

— Ну, — притихает, — может быть и так, — едва заметно кивает, складывая руки на свои колени. Зажимается. Больше ничего не говорит, и это радует. Радует, но недолго.

Повисшая тишина очень быстро начинает раздражать. Перестраиваюсь в левый ряд, проезжая по Москворецкой набережной. Полина ерзает в кресле и снова тянется за телефоном. Фоткает очередные огоньки.

— Сколько ты уже в Москве?

Спрашиваю для того, чтобы... Тупо спрашиваю. Ну не молчать же, реально!

— Около месяца. Двадцатого августа приехала. А что?

— Просто, — жму плечами и притормаживаю недалеко от реки.

Полина шумно выдыхает.

— Город ночью еще красивее, чем днем. Все светится, — улыбается. — У нас в Речке один фонарь на всю улицу, и то не всегда горит.

— В Речке? — глушу движок и сажусь к Полине в пол-оборота. Отстегиваю ремень.

— Это деревня так называется, откуда я. Можно? — обхватывает руками колени, подтягивая их к груди.

Бросаю взгляд на ее валяющиеся на коврике ботинки и киваю.

Полина упирается пятками в сидущку, и подол ее длинного платья ползет вверх по ноге. Но даже так все остается максимально прикрыто. Вопрос, зачем мне, чтобы там что-то было открыто, конечно...

Рассматривать этого рыжика как объект, с которым можно переспать, точно не вариант. До этого момента я о ней в такой плоскости не думал. Да и сейчас не думаю, скорее, просто подтверждаю очевидное. Полина не про секс и не про тусовки. Миленькая, маленькая, тихая, правильная, по-детски наивная.

— И как тебе Москва? — спрашиваю, упираясь виском в подголовник.

— Нравится, но к расстояниям еще не привыкла. В метро пару раз заблудилась, — смеется, прикрывая рот ладошкой. — В ужасе, что стакан кофе может стоить таких денег. Это же просто кофе, — пожимает плечами. — Еще заметила, что все куда-то спешат. Постоянно. В метро, на улице, в магазине, на Красной площади даже. Мы с Варей ходили пешком, чтобы посмотреть пруд на Патриарших, у меня потом целый день голова болела. Машины сигналят, люди торопятся, и никто не улыбается, — прикусывает нижнюю губу и ежится.

За последние лет, не знаю даже сколько, это первый человек в моем окружении, который ходил на Патрики смотреть пруд, а не пить в обед Просекко.

— И как пруд? — смотрю на нее теперь более внимательно, что ли.

Полина стреляет глазами в верхний правый угол и чуть хмурит брови.

— Красивый. Кстати, там воздух в банках продавали, представляешь? Варя купила и отвезла родителям.

Едва сдерживаюсь, чтобы не заржать. Воздух в банках с Патриков не удивляет вообще. Креативщиков для развода туристов по всему городу тьма.

— Обратно мы на метро поехали. Заблудились. По кольцу прокатились случайно. Бабушка на нас накричала, — вздыхает, — когда на эскалаторе затупили. Варя с этой бабушкой прямо там переругалась. Я ногу натерла, потом дождь начался, в общагу бегом бежали, промокли.

— В метро с довольными лицами напряженка, согласен, — киваю, и Полина едва заметно улыбается.

— Ты едешь на метро?

— Бывает.

— Когда пробки?

— Когда пробки.

На метро я катался последний раз года два назад, когда опаздывал на встречу с отцом. В остальной жизни я никуда особо не спешу, и пробки меня не напрягают, поэтому пользоваться метро смысла не вижу.

— У тебя очень красивая машина, — Полина проводит кончиками пальцев по панели. — Я такие только в интернете видела, ну или в сериалах, пока сюда не переехала. Тут, конечно, только рядом с университетом целая выставка. У нас в деревне таких нет.

— А что есть? — спрашиваю не из какого-то рьяного любопытства, просто понял, что меня ее голос торкает. Она тараторит, многое я пропускаю мимо ушей вообще, но при этом у нее такой тембр приятный, не хочется, чтобы замолкала.

— Что есть? — подносит указательный палец к губам. Задумывается.

— Ну или что вы там делаете?

— На речку ходим, костер жжем, — загибает пальцы, — большую часть лета я на огороде, конечно, полю, поливаю. По субботам клуб работает, можно потанцевать, но там я не частый гость, — откидывает волосы за плечи. — Ну вот, будто и не выпрямляла.

Окидываю Полину взглядом, только сейчас соображая, что в начале вечера у нее реально были прямые волосы.

— А, еще с сестрами и братьями картошку в костре запекаем. Такие домашние посиделки вечерние выходят.

— Для этого есть духовка, — произношу не задумываясь, и вижу, как Полина тут же сникает.

— Ну да, наверное...

— Никогда не был в деревне, — перевожу тему.

— Да? — округляет глаза. — Не думала, что такое бывает. А где был? В Куршавеле? — смеется.

Киваю, а Полина тут же подбирается. Стирает с лица улыбку, смотрит серьезно, но теперь более заинтересованно.

— Там красиво? — улавливаю в ее голосе мечтательность.

— Нормально, — пожимаю плечами, потому что по факту ответить что-то внятное не могу. Красоты вокруг последнее, чем я там интересуюсь, когда прилетаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.